

АНТОН

ЧИЖ

• тайные полномочия •

Антон Чиж

Тайные полномочия

Серия «Родион Ванзаров», книга 9

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658066
Антон Чиж. Тайные полномочия: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70743-0

Аннотация

Россия готовится к первой Олимпиаде. На карту поставлена честь Империи. Но надо же именно в это время случиться страшному! Украдена Алмазная звезда Андрея Первозванного – высший орден государства. В краже замешаны те, кого чиновник для особых поручений Родион Ванзаров даже подозревать не мог! Расследуя это чрезвычайное дело, Ванзаров вынужден опасаться даже своего лучшего друга и напарника, великого криминалиста Аполлона Лебедева. Получая неограниченные полномочия от императора, Ванзаров готов пожертвовать всем ради справедливости!

Содержание

Санкт – Петербург. Главный Варшавский вокзал	12
1	12
2	22
3	26
4	35
5	41
6	53
7	61
8	66
9	77
10	81
11	85
12	91
13	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Антон Чиж

Тайные полномочия

Точку на карте Везенбергского уезда Эстляндской губернии с названием Тапс и вспоминать не стоило, если бы не забавное обстоятельство: городок именовался в точности, как знаменитое селение к югу от Карфагена, у которого Цезарь в пух и прах разгромил Помпея, воюя за сердце царицы Клеопатры. К счастью, студеные ветры истории местных жителей обошли стороной. Городок вел мирную жизнь заштатной провинции бескрайней империи. Жители возделывали сады и огороды, ложились рано и вставали засветло, раскормленные свиньи бродили где им вздумается, телеги с сеном и картошкой встречались куда чаще приходского пастора и школьного учителя, а местные коровы славились жирностью молока. Такой, что сливки сами вставали густой шапкой над горлышком крынки. Жизнь в городке текла неторопливо и размеренно, как местное пиво. Дел у уездного полицейского исправника было немного, разве что разнять на праздник не в меру горячих эстляндских парней. От такой службы исправник толстел, краснел и рисковал не влезть в форменный кафтан.

Покой городка нарушали лишь свистки паровозов, прибывавших и отправлявшихся по расписанию. Тапс был узловой станцией Балтийской железной дороги, через которую

столичные поезда следовали или в Ригу, или в Дерпт. Станционный дом, сложенный из красного кирпича, был не больше дровяного сарая, но при нем имелась водокачка с поворотным рукавом и угольный тендер, чтобы пополнять запасы воды и топлива для паровозов. Кроме стола начальника станции в тесное помещение поместились столы телеграфиста и жандармского надзирателя. Для пассажиров, какие могли сюда заглянуть, места не осталось, так что лавку для них выставили на перроне, то есть на утоптанной полоске земли около рельсов.

Пассажиры на станции были редкими гостями. Местные жители передвигались все больше на телегах, а поезда проскакивали мимо, обдавая клубами пара и оглушая ревом свистка. Только раз в день состав останавливался на пару минут. С подножек соскакивали чистые господа, брезгливо осматривали станцию, возмущались отсутствием буфета, выкуривали папироски и бросали окурки прямо на пути, что сильно огорчало начальника станции Рюителя, обожавшего порядок во всем. Откровенно говоря, станция нужна была для того, чтобы обслуживать железнодорожную стрелку.

Командовал стрелкой (то есть несколько раз за сутки держал поворотный рычаг вперед и назад) стрелочник Реэде. В городке он был знаменит тем, что мог заснуть в любом месте и в любое время суток. Стоило Реэде присесть в тихом уголке, как он тут же погружался в сладкую дрему. Начальнику станции Рюителю приходилось неусыпно следить, что-

бы стрелочник не проспал прибытие поезда и направляющиеся в Дерпт не оказались в Риге. Рюитель пинал Реэде в бок и прочие места до тех пор, пока тот окончательно не продира́л глаза. Такого соню на любой другой станции рассчитали бы в два счета, тем более что ему перевалило за шестьдесят, но Рюитель отчего-то не выгонял ленивого подчиненного. Стрелочника спасало от неминуемой пенсии то, что на станции, кроме него, других развлечений не было. Реэде спал при каждом удобном случае, а начальник Рюитель нещадно будил его строго в соответствии с расписанием поездов. Сколько держался такой порядок, никто уже и не помнил. Но держался он крепко.

За час до полуночи 15 марта 1896 года Реэде спал с чистой совестью в станционном доме. Дневные поезда проследовали в нужном направлении, о чем позаботились начальник Рюитель и его крепкий кулак, а ближайшие ожидались не ранее шести часов утра. Допив свежесваренный кофе, начальник Рюитель взглянул на часы, которые отбивали каждые полчаса хриплым ударом маятника, сверился с карманным хронометром (носил его на толстенной цепочке, чтобы все в городе знали, какой он важный человек!), и окончательно убедился, что делать на станции сегодня больше нечего. А тут еще Реэде принялся посапывать с поросычьим при-свистом, отчего захотелось вылить на него графин воды. Начальник Рюитель одарил стрелочника презрительным взглядом, от которого тот должен был растаять, как воск, прият-

но потянулся все телом и уже нацепил форменную фуражку, как ни с того ни с сего ожил телеграфный аппарат.

Начальник Рюитель уволил телеграфиста, чтобы добавлять к скромному жалованью лишнюю копейку, а потому сам подхватил бумажную ленточку, выползавшую из вертящегося колеса. Сообщение было кратким, строгим, требовавшим строжайшего исполнения и, что самое главное, срочным. В конце вылезла подпись, от которой начальника Рюителя бросило в пот. Дешешу на заштатную станцию прислал сам директор Балтийской железной дороги. Это было столь невероятно, что начальник Рюитель усомнился в своем знании русского языка и даже перепроверил по словарю. Словарь подтвердил, что смысл понят им верно. За исключением адресата, в телеграмме не было ничего необыкновенного: предписывалось направить состав, следовавший от станции Юрьев к станции Везенберг. Поезд сверх расписания был именован экстренным и двойным литерным, то есть наивысшей степени важности. Важнее мог быть только поезд, перевозивший императорскую фамилию. Пытаясь догадаться, что бы это значило, начальник Рюитель взглянул на часы и уже испугался не на шутку. До подхода литерного оставалось три минуты, а стрелка все еще не была переведена.

Реэде получил такой удар, от которого не только проснулся, но вскочил сразу. Начальник Рюитель крикнул ему: «Бегом!», – и сам побежал в ночь. Таким взволнованным Реэде

его никогда не видел. И хоть не привык он торопиться, что-то подсказало, что сейчас надо шевелиться без лишних вопросов. Стрелочник припустил, но нагнал начальника около стрелки.

– Что случилось, господин Рюитель? – спросил Реэде, берясь за рычаг, который никак не поддавался начальнику. – Поездов нет до утра. Или уже утро? Неужели я столько проспал?

– Переводи на третий путь, Реэде! – закричал Рюитель, дергая рычаг изо всех сил.

Стрелка, застрявшая в самый неподходящий момент, наконец скрипнула и сдвинула рельсы в нужную развилку. Схватив стрелочника за шиворот, начальник Рюитель оттащил его в сторону. И очень вовремя.

Из тьмы в облаке пара вылетел стальной таран паровоза, как сказочное чудовище, вырвавшееся из векового плена и ревом оглашающее свое освобождение. За ним неслись вагоны. Было их всего два, и каждый горел таким ярким освещением, как будто внутри пылало светило. Последний, третий, вагон пролетел черной тенью. Поезд шел на предельной скорости, не меньше пятидесяти километров в час, мелькнул стремительным призраком и прощальный гудок послал издалека. После него еще долго носился ветер и поднятый сор.

Начальник Рюитель молчал. Молчал и стрелочник Реэде, которому даже расхотелось спать. Оба боялись шевельнуться, словно не могли оправиться от впечатления, которым на-

градил скромных служащих полуночный экспресс.

– Что это было, Реэде? – наконец проговорил начальник Рюитель, рассматривая темноту над путями, блестящими полировкой рельс.

– Не знаю, господин Рюитель, – ответил стрелочник. – Я всего лишь стрелочник. Как нам понять?

– Сколько было вагонов, Реэде?

– Очень короткий поезд. Один пассажирский класса люкс, другой вагон-ресторан, господин Рюитель. Багажный вагон я не стал считать.

– Правильно, Реэде. Очень короткий экспресс. Такого я никогда не видел.

– Я тоже, – согласился Реэде. – Чего не придумают в столице.

– Ты ничего не хочешь мне сказать, Реэде? – спросил начальник Рюитель, разглядывая темноту. – Ты что-нибудь увидел?

– Не знаю, что я видел, господин Рюитель. Наверное, я ничего не видел. Наверное, я еще не проснулся. Да, так и есть, я еще не проснулся. Мне все привиделось.

– Говори, что ты видел. Я тебе приказываю, – потребовал начальник Рюитель и ткнул стрелочника в бок. – Что ты видел в окне?

– Я видел, что окно в одном купе было раскрыто. Только одно из всего вагона. Вот что я видел.

– Этого мало, Реэде, ты так просто не отвертись. Что

ты видел в окне поезда?

Стрелочник замялся, так не хотелось ему вспоминать о том, что привиделось. Наверняка это обман зрения, какой иногда случается на железной дороге, когда поезд очень быстро едет. Начальник Рюитель был непреклонен и строго потребовал ответа.

– Хорошо, я скажу вам, господин Рюитель, даже если вы будете смеяться и потом расскажете всему городу, что старый Реэде сошел с ума.

– Я не буду смеяться над тобой, Реэде. Даю тебе слово.

– Тогда слушайте... В раскрытом окне я увидел человека, раскаленного, как паровозная топка, он пылал ярким пламенем, как стог сена. И так размахивал руками, как будто хотел утащить за собой в преисподнюю...

Реэде закрыл глаза, и странная картина опять предстала ему во всей яви. Что делал этот горящий человек? Почему он хотел утащить за собой бедного стрелочника? Человек ли это был? Реэде поежился, хотя чувствовал жар, и на всякий случай перекрестился. Утром он сходит к пастору, исповедуется в грехах и поставит свечку. Давно не ходил в церковь, вот и получил наказание.

– А вы что видели, господин Рюитель?

На этот вопрос начальник станции не мог ответить самому себе. То, что он увидел, было столь удивительно, что признаться в этом было невозможно. Он же не какой-нибудь крестьянин с хутора, который верит в разные глупости,

он человек солидный, уважаемый. Нет, он ничего не видел. Просто поезд слишком быстро проехал.

Сколько бы начальник Рюитель ни убеждал себя, что ему только показалось, перед глазами упрямо вставало лицо того человека из окна. Хотя лица не было. Вместо него – пунцовая, натужная маска с выпученными глазами и разорванным ртом, какой не может быть у живого человека. Не бывает такого. Нет, это всего лишь суеверия. Им не место на железнодорожной станции в конце просвещенного девятнадцатого века. Ничего не было. Он всего лишь пропустил экстренный литерный в направлении станции Везенберг.

Начальник Рюитель прикрикнул на стрелочника и пошел к станционному дому. Возвращаться в свой дом ему расхотелось. Наглая рожа корчилась и не отставала. А руки так и тянулись к начальнику Рюителю из раскаленного окна. Словно и в самом деле хотели утащить за собой.

Санкт – Петербург. Главный Варшавский вокзал Варшавская ж/д

1

За окном раскисал март. Снег превратился в черную грязь, которую размешивали колеса пролеток, калоши пешеходов и метелки дворников. С крыш капало. От карнизов отрывались куски льдин, разбиваясь с гулким хлопком, отчетливо вздрагивали стоявшие лошади, а извозчики умирляли их, дергая за вожжи и сдабривая это непечатными словечками на всю улицу. Весна стучалась во все двери. Великий пост подходил к концу, оставалось говеть меньше двух недель. Столица империи так соскучилась по теплу и веселью, так устала от зимы и ранней оттепели, что считала деньки до 24 марта, когда можно будет отмечать Пасху и вознаградить себя за лишения поста.

Осмотрев сырой проспект, Анатолий Граве отпустил шторы и улыбнулся. Нельзя сказать, что он любил это время года. Трудно любить сырость, которая проникает под одежду, обогриваясь потом долгим насморком, знакомым каждому столичному жителю. Да и развлечений для молодого человека

явно недостаточно: все театры, кроме Французской оперы, закрыты, балетов нет, концертов нет – тоска и скука. И все равно у Граве сегодня было отличное настроение. Он ощущал себя великолепной статуей из мышц и молодых, здоровых костей. Статуя эта была одета в новенький костюм, пошитый у модного петербургского портного: игристая жилетка, строгие формы сюртука и брильянтовая булавка в галстук. Граве знал, что выглядит не просто отлично, а «сногсшибательно», так, что дамам глаз не отвести, и принимал восторженные взгляды как должное. В конце концов, для чего еще нужны двадцать пять лет, как не для того, чтобы блистать беззаботно?

Куда важнее отличной формы, которую он старательно поддерживал, были успехи не столь заметные. Проведя три часа после завтрака за карточным столом, Граве положил в портмоне пять десятирублевых бумажек. Не сказать, чтобы выигрыш был большой, а если еще честнее – достаточно скромный. Важнее другое: Граве сумел наказать одного зарвавшегося господина, который хвалился, что всегда выигрывает. Теперь господин этот краснел, но сделать ничего не мог. Граве еще и пожалел его. Надо было посадить рублей эдак на триста. Но ничего, никуда не денется. Сам норовит в капкан. Наверняка предложит матч-реванш.

Так и случилось. Подойдя к Граве и пахнув дешевым сигарным духом, господин изъявил желание отыгаться не позже чем завтра. Ставки будут не по рублю, а по червонцу. А

если мало, так он и на сто рублей согласен. Граве выразил полную готовность быть к услугам резвого господина. На чем и расстались. Господин отправился в буфет заливать проигрыш, а Граве спустился в гардероб клуба, получил свое модное пальто и вышел на Вознесенский проспект. В него вцепился холодный ветер, под ногами захлюпало, но все это была такая, в сущности, мелочь, что Граве опять улыбнулся.

С улыбкой он обернулся, услышав свое имя. Перед ним стоял невысокий господин в скромном, но чистом пальто, довольно почтенного возраста. С первого взгляда Граве, как опытный игрок, отметит жесткие, обтесанные черты лица, резкий, неприятный взгляд и английское кепи вместо приличной шляпы или цилиндра. Он не смог бы определить, сколько лет незнакомцу: где-то в промежутке от сорока до семидесяти. В одном Граве был уверен: общих знакомых у них нет и быть не может. Ему отчего-то сразу захотелось не иметь с этим господином дела, каким бы оно ни было. Лучше всего – расстаться сразу и навсегда.

Между тем незнакомец приподнял кепи, назвал Семеном Пантелеевичем, забыв, впрочем, упомянуть фамилию, и сообщил, что обратиться к нему рекомендовал близкий знакомый. Услышав, от кого пришел «забавный старичок», как про себя назвал Граве этого господина, он смягчился, спросил, чем может быть полезен, и вернул улыбку. Семен Пантелеевич, заверил, что дело совершенно пустяковое, но не стоит торчать посреди улицы да в такую «непогоду», того гля-

дишь, схватишь простуду. Он предложил заглянуть в ближайшую «Мальту», и хоть Граве не очень любил простые заведения, но отказаться было неловко.

В ресторане, которым именовали трактир с крепкими напитками, Семен Пантелеевич предложил отобедать от души, но обедать раньше десяти вечера было совершенно невыносимо, особенно с водкой. Граве вежливо отказался, согласившись на чай. Он заметил, что новый знакомый как бы случайно выбрал самый дальний столик, да еще такой, что рядом никого не было. Половой, знавший Семена Пантелеевича, появился с самоваром и набором закусок стремительно, а исчез легким дуновением. Прекрасное настроение стало закисать в чуждой обстановке. Граве напомнил, что готов поговорить, однако времени у него не так много.

Семен Пантелеевич согласно кивнул, разлил чай и положил себе на тарелку солидный кусок холодной лососины.

– Дело у меня к вам, господин Граве, такого рода, что надо бы нам найти одного вора, – сказал он. – И найти как можно скорее.

Граве решил, что «забавный старичок» наверняка подшутил для разговора. Хотя по его виду этого не скажешь. Как-то не вяжутся с ним шутки и веселье.

– Но позвольте, чем же я могу помочь? Для этого есть полиция, в конце концов, сыскная. Вы не по адресу обратились, любезный...

«Забавный старичок» заглотнул кусок лососины и под-

мигнул:

– А я так уверен, очень даже по адресу. К нужному человеку обратились. Нам ошибаться никак невозможно. Что же до полиции, то к ней мы обращаться отродясь не приучены. Последнее дело к каплюжникам¹ на поклон идти. Так-то вот...

Разговор принимал совершенно ненужный оборот. Граве не мог понять, отчего ему стало так неуютно и что такое неприятное проявилось в этом человеке. Не желая разбираться в подобных мелочах, он счел, что долг дружбы отдал вполне и теперь может со всем этим покончить. Граве вежливо поблагодарил за обед, к которому не прикоснулся, и даже привстал из-за стола, чтобы прощаться, но тут «забавный старичок» приказал сесть на место. Граве воспринял этот именно так. Вместо того чтобы оборвать этого типа раз и навсегда, он подчинился. Таким настойчивым вышло предложение Семена Пантелеевича.

– Ты не спеши, мил-друг, – сказал он, без всяких церемоний переходя на «ты». – Разговор у нас не закончен, а как будет закончен, так я тебе укажу. Выпей лучше чайку, сразу подобреешь.

– Да вы в своем уме? – спросил Граве, не особо нуждаясь в ответе.

– Только умом и пробавляемся. А вот ты, как погляжу, не

¹ Каплюжники – полицейские на уголовном жаргоне. (Здесь и далее примеч. авт.)

понял, что тебе слушать полагается. Чтоб не пожалеть горько.

— Да кто вы такой...

— Такой, что тебе знать не полагается. Ни к чему это. А вот про тебя нам все известно, не сомневайся...

И тут «забавный старичок», не торопясь, в деталях, выложил столько интересных и опасных сведений из жизни Граве, что тому оставалось только слушать молча. Он был уверен, что такого не случится никогда. Просто невозможно, потому что он никогда и ни с кем не делился своими маленькими победами. Это было что-то вроде спорта, вовсе не способ заработать деньги, скорее развлечься и ощутить сладость победы. Во всех его победах важнее всего была тайна. Граве не сомневался, что его мастерство никому не известно. Иначе красивая столичная жизнь давно бы закончилась, его не пустили бы ни в одни приличный дом, не то что клуб. И вдруг оказывается, что какой-то «забавный старичок» кропотливо собрал столько фактов, что хватит на бухгалтерскую книгу.

— ...вот и сегодня пять червонцев умеючи срезал. В общем, прими мое уважение: редкий ты мастер, хоть и самоучка, прямо-таки доморощенный маэстро, — закончил Семен Пантелеевич. — Только про мастерство твое лучше бы друзьям твоим не знать ничего. А полиции — тем паче. Как думаешь?

Граве схватил остывшую чашку и выпил, не чувствуя вкуса. Нужно было время, чтобы сообразить, как себя вести,

что-то придумать, быть может, все отрицать. «Забавный старичок» привел такие факты, будто стоял за спиной. Слишком много знает. Не хватало еще письменных свидетельств. Нет, влип основательно, взяли за жабры так, что и не пикнуть. Никуда не деться с крючка. Разве бежать?

– Темными мыслями зря себя не страшай, – сказал Семен Пантелеевич, расправляясь с новым куском лососины. – Мы тебе зла не желаем. Коли слово дашь и сдержишь, душить тебя не станем. Незачем.

– Это шантаж, – сказал Граве и не узнал собственного голоса, таким сдавленным и жалким вышел ответ.

– Называй, как хочешь. Я бы сказал по-другому: одолжение дружеское. Вдруг тебе помощь понадобится, будешь знать, к кому обратиться. Мы много чего можем...

– Что вы хотите от меня?

– Тебе же сказали: вора нам найди.

– Каким образом я буду...

– Да ты не спеши, – перебил его Семен Пантелеевич. – Не купца обыгрываешь. Тут дело тонкое. С вором этим ты рядом ходишь, да только не знаешь об этом. А там, где ты ходишь, нам ходу нет. Вот и помоги нам.

– Прошу простить, я не понимаю, о чем вы...

– Уже лучше. Значит, согласен слушать. Это другое дело. А дело такое, что везде должен быть порядок. Особенно в воровстве. Ремесло это трудное, ему обучаться надо. Нельзя, чтоб на самотек шло. Я за ним приглядываю. Но вот такая

история вышла, что появился у нас вор, который сам по себе жилит. Да так затыпает, что на весь воровской мир тень бросает. Где драгоценные безделушки, где сережку, где колечко, а дальше – все. Такой вот марушник² чистых кровей выискался.

– Что значит «все»? – спросил Граве.

– А то и значит, что берет без всякого толку. Как сорока блестяшку утащит, и никакой пользы. Пропадает бесследно. Так нельзя, это непорядок. Воровство должно пользу приносить миру. А тут что же получается: богатые дома обносит, а мир воровской не знает, кто таков и кто ему позволил. Непорядок. Слышал о таком умельце?

Граве признался, что ничего конкретного в светских сплетнях не проскальзывало. Какие-то смутные намеки, не более того. В одном он был уверен: жертвы воровства шум не поднимали и с другими не делились. Их можно понять. Неприлично рассказывать в обществе, что пропала какая-то сережка. Может, сама затерялась.

– Не можем понять, кто таков. На тебя теперь вся надежда.

– Что именно от меня требуется?..

– Да всего-то навсего разузнать про этого ловкача, найти на него неопровержимые доказательства и нам указать. Пустяковое дело. Ну а мы по-своему с ним потолкуем.

Граве заставил себя посмотреть на это предложение с дру-

² Жилить, затыпать – украсть; марушник – вор, обкрадывающий женщин (воровской жаргон).

гой стороны. Да, отказаться от него нельзя. Но, быть может, это не так плохо. Если смотреть на это дело как на новое развлечение. Действительно, любопытно разузнать, кто же это так ловко грабит светские салоны? И при этом никто не заявил претензии.

– Есть предположения, кто это может быть? – спросил он. Семен Пантелеевич от такой чести отказался.

– Когда б знали, тебя не трогали бы. И без того против правил пошли. Одно известно: называет он себя Лунным Лисом.

– Как? – в изумлении переспросил Граве. Трудно было ожидать, что в конце циничного девятнадцатого века в России найдутся воры-романтики. Хотя бы в ярких псевдонимах.

Ему подтвердили: именно Лунный Лис. Для настоящего вора такая кличка – прямое оскорбление. Кличку мир дает, а не так, чтобы сам себя назвал – и ходишь гордый. Но за это с ним отдельный разговор будет.

– Только не тяни, друг Граве, – сказал Семен Пантелеевич, вдруг поднимаясь из-за стола и бросая салфетку. – Нам его найти срочно надо. Ну, прощай, маэстро.

– Позвольте... – возмутился Граве тем, что обещания своего не дал, а сдержать его все равно придется, и закончил совсем не так, как хотел: – ...Где вас найти?

– Мы сами тебя найдем. Сроку тебе три дня... А если совсем невтерпеж будет или что горячее наскребешь, так об-

ратись к любому мазурику или нищему в Казанской части, скажи: «Стеньке-Обуху весточка имеется», – тебя и отведут куда следует. На прощание тебе скажу: хитрить с нами не надо. Мы же проверим. Если на невинного человека укажешь, с тебя же спрос будет. У нас ведь не полиция, законы соблюдаем. Очень нам этот Лис нужен.

Семен Пантелеевич подмигнул и пошел к выходу. Подбегавшему половому он что-то бросил на ходу, тот с поклоном обещал исполнить в лучшем виде. Подлетев к Граве, половой спросил, не желает ли господин чего отведать, все за счет заведения.

Аппетит, как и настроение, были решительно потеряны. Граве думал, как подступиться к этому делу так, чтобы из капкана выскочить и не дать на растерзание светского человека. Какой бы он ни был, но не отдавать же его в лапы какого-то Стеньки-Обуха. А если не отдать – разоблачение. «Забавный старичок» не пощадит, все раскроет. Такой конец – хуже смерти. Как бы мимо проскользнуть?

Граве понял одно: ему срочно требуется размять мышцы в атлетическом зале.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой вернулся в свой кабинет в скверном расположении духа. Заседание совета министров прошло так, что оставалось только скрежетать зубами от бессилия. Опять этот выскочка добился всего, чего хотел. Больше всего министра внутренних дел возмущало, каким доверием молодой государь наградил господина Витте. Кажется, если попросит министр финансов, отказа ему не будет ни в чем и никогда.

Владея в государстве властью, какой ни у кого из министров не было, граф Толстой оказался совершенно бессилён перед надвигавшейся реформой. Дмитрий Андреевич твердо знал, что для России нет ничего хуже реформ. Это он усвоил, еще когда был министром народного просвещения. Живет народ потихоньку-помаленьку, и не надо его баламутить. Уж как-нибудь справится. А ведь этот что задумал: провести денежную реформу! Загорелся шальной идеей привязать родной российский рубль к золоту, чтобы сделать его твердой валютой. Да кому это нужно? И так уже все привыкли к бумажным ассигнациям, зачем же их на золото менять?

Граф искренне не понимал смысла реформы и не желал сделать над собой малейшего усилия, чтобы понять, что именно предлагает Витте. Он твердо стоял на своем, что от такой реформы вред будет огромный, того глядишь, Россия

окажется на положении колонии, вроде какой-нибудь Индии, из которой все золото вывезут, поменяв его на бумажки. А польза от всей суеты неопределенна и сомнительна.

Обещаниям Витте провести реформу так, что и никто не заметит, граф Толстой не верил. Он точно знал: стоит тронуть незыблемое здание государства Российского, как все посыплется. Еле-еле успокоили после глупости 1861 года, и опять все сначала. А кому расхлебывать реформы и волнения, которые неизбежно начнутся в народе? Конечно, ему, министру внутренних дел.

И никак эту беду не остановить. Мало того, что сам Витте прет, как разогнавшийся паровоз, так еще набрал шайку молодых да ранних чиновников, таких же негодяев, как он сам, и вся эта команда так взялась за дело, что того и гляди, действительно устроят реформу. Вот уж тогда все наплачутся. Да поздно будет, вспомнят еще старика Толстого, как он предупреждал. И никак до государя не достучаться, словно околдовал его Витте, а всего вернее: наобещал с три короба.

Многие считали графа Толстого твердолобым ретроградом, врагом прогресса и затхлым чурбаном. Но в его позиции было главное: последовательность. Он никогда не менял своего мнения, считая, что все новое заведомо хуже старого. И это было его большим преимуществом.

Министр раздраженно потребовал чаю и уселся за большой стол, за которым виднелась в огромных окнах река Фонтанка и здание его бывшего министерства народного просве-

щения, которое смыкалось над площадью со зданием МВД в полукруглом ансамбле.

К шестидесяти годам Дмитрий Андреевич сделал великолепную карьеру, добившись практически всего, о чем может мечтать чиновник. Дальше двигаться было некуда. Выше только трон. Но и к трону вот так запросто не подойдешь, даже с его высоты. Тут нужна осторожность. Если государь хочет реформ, пусть попробует. Главное, чтобы заранее уменьшить неизбежный вред. Как это сделать, граф Толстой не мог придумать. Тут даже его знаменитое обаяние не помогло. Многие попадали в его опасные сети.

Дмитрий Андреевич был удивительно похож на печально-го спаниеля, со свисающими жвалами, грустными и добрыми глазами и общей харизмой добродушного старика. Казался он таким славным, что нельзя отказать его просьбе. Просто милый песка, который готов служить и лизать руку, ласкающую его. Однако государь никак не реагировал на робкие попытки графа Толстого остановить денежную реформу. Или знал, что скрывается за этим милым и печальным выражением, или принял окончательное решение.

Послужив уже двум императорам, граф Толстой хорошо знал, что такое царская воля, порожденная романовским упрямством. Молодой царь коронован-то будет только в мае, а вот уже характер державный проявляет. И не сладить с ним даже министру внутренних дел. Если только не постараться открыть юному монарху глаза на людей, которым он имел

неосторожность довериться.

Граф Толстой требовательно позвонил в колокольчик. Явился секретарь, дежуривший в приемной.

– Найди мне полковника Секеринского, да поживее, – приказал он.

Секретарь вернулся стремительно, доложив, что начальник охранного отделения находится у себя, ожидая телефонирования от министра. К новомодной игрушке – телефонному аппарату – граф Толстой тоже относился настороженно. Вот еще идея, говорить по проводам! Чего доброго, сидит где-то умный человек и все подслушивает. А для предстоящего разговора посторонние уши совсем не нужны.

Отбросив даже мысль об этом, министр распорядился ехать в один скромный особняк на Крестовском острове, МВД содержало его для встреч, которые не следовало афишировать. В этот же особняк было приказано явиться полковнику Секеринскому в положенный срок. Секретарь отправился вызывать карету министра и телефонировать в охранку, а граф Толстой начал просчитывать варианты развития событий, прикидывая, какой из них более всего подойдет к сложившемуся политическому моменту. Таких аналитических способностей недруги никак не могли ожидать от твердолобого старика. Быть может, поэтому он стал министром, а недруги его остались далеко позади.

Отжавшись на брусьях тридцать раз, князь Бобрищев-Голенцов решил, что на сегодня достаточно. Он мягко прыгнул на паркет и закончил стойкой с идеально прямой спиной. Тренировка вышла усиленной, как и все последние дни. Князь совершенно забросил светскую жизнь и пропадал в атлетическом манеже. Он увеличивал нагрузки, тренируя не только плечевой пояс, необходимый для метания диска, но и остальные группы мышц. Такое упорство было неожиданным сюрпризом для его многочисленных друзей. Всем было известно, что князь с древней фамилией – веселый бездельник, отличный друг и душа любой компании, именуемый на английский манер Бобби, ничем не может увлекаться постоянно, любое дело, за какое возьмется, бросает на половине, и вообще самый милый человек и друг, но совершенно несобранный человек. В более низких слоях общества его непременно называли бы лоботрясом, но в светском обществе ярлыки клеят куда мягче. За Бобби уверенно закрепилась слава славного, но ветреного малого. Хотя назвать «малым» мужчину чуть не в две сажени ростом, кирасирского сложения не у всякого язык повернулся бы.

Бобби ощутил каждую мышцу и нашел, что тренировки пошли ему на пользу. Набирается сила перед самым важным в его жизни соревнованием. Ради него Бобби стал дисципли-

нированным и усердным. Он вдохнул воздух атлетического манежа, густо пропитанный потом, помахал приятелям, которые упражнялись с кольцами и конем, и отправился в душевую. В холл он вышел свежим, пахнущим молодостью и банным мылом, и такое от него лучилось здоровье, что распорядитель Матвеев невольно заулыбался. На многих Бобби действовал как солнечный свет. С ним сразу хотелось подружиться или перекинуться словечком. Обаяние Бобби было чистым, а потому безотказным.

Часы пробили полдень. Бобби вспомнил, что опаздывает безобразно и получит нагоняй. Так что торопиться не имело смысла. Он не спеша надел пальто, пошутил с гардеробщиком и швейцаром, подбил усики, глянув в большое зеркало, и, найдя себя вполне неотразимым, вышел на улицу. С пролетки как раз прыгнул Граве. Заметив князя, он кинулся к нему, чтобы начать срочный разговор, который нельзя откладывать. Бобби не был расположен опаздывать совсем уж неприлично.

– До вчера потерпит! – заявил он, хлопнул Граве по плечу, взошел на пролетку и приказал трогать.

Он доехал до большого особняка на Малой Морской улице, где доживала своей век его родная тетушка, бывшая фрейлина при дворе императора Александра III. Старая княгиня Мария Кирилловна души не чаяла в племяннике, хотя имела двух сыновей. Она восседала в большом вольтеровском кресле, в которое поместилась с некоторым трудом,

обмахивалась платочком и встретила вошедшего грустной улыбкой.

– Какая приятная неожиданность! Мой милый Бобби явился, – сказала она, подавая полную упругую ручку.

Бобби, недолго думая, бухнулся на колени, ударился лбом об пол, молитвенно сложил ладони и состроил физиономию, умильную до невозможности.

– Прости меня, обожаемая родственница! Виноват! Каюсь! Молю о прощении.

Тетка еле сдержала улыбку, сердиться на племянника не было никаких сил.

– Ну что ты, друг мой, какие могут быть обиды. Ты опоздал-то всего на каких-то несчастных полтора часа. Сущие пустяки.

Поцеловав теткину руку, Бобби нежно прижался к ней щекой.

– Ну, прости, это в последний раз. Все эти тренировки, режим и все такое спортивное. Обещаю всегда приезжать к тебе секунда в секунду.

– О, не сомневаюсь. Если ты научишься опаздывать хотя бы на полчаса, я буду самой счастливой из женщин. На большее уже не рассчитываю.

– Слово мое непреклонно! – сказал Бобби, вставая с колен и усаживаясь в ближнее кресло. – Заметь, тетя, я бросил курить. Ну, пока бросил. Спорт для меня – это все.

– Как поживает твоя Олимпиада?

– Прекрасно! Подготовка идет на всех парах. Гоняем себя до седьмого пота, только и делаем, что тренируемся в атлетическом зале. Ни на что времени не остается. Мышцы, как сталь. Соперников мы порвем на мелкие клочки.

– Как это мило. Но я спросила про твою невесту.

– Ага, так ты про Липу! – вскрикнул Бобби. – Она тоже прекрасно себя чувствует. Сегодня увижу ее на собрании команды. Дам тоже пригласили. Пусть порадуются.

– Бедная девочка, – сказала Мария Кирилловна. – Как она могла согласиться выйти замуж за такое несносное чудовище? Я еще удивляюсь, отчего она была так грустна на моем приеме. С таким женихом лучше в петлю, чем под венец.

Бобби сделал вид, что оскорбился.

– Тетя, ты ко мне несправедлива. Я – образец жениха и будущего мужа. И если я готовлюсь к одной Олимпиаде, это не значит, что я забыл про другую. Ну как?

– Каламбуры – не твой конек, – ответила старая княгиня, глядя на цветущую физиономию племянника и невольно думая, что нет женщины, которая бы не простила этому бездельнику все что угодно. – У меня к тебе дело. На этот раз довольно серьезное. Постарайся собрать все свое внимание, вникнуть в него, хотя бы ради меня.

Племянник дал слово, что готов служить обожаемой родственнице до последней капли крови. При этом не забыл взглянуть на часы.

Оказалось, что у Марии Кирилловны случилась неприят-

ность. Исчез дамский портсигар. Ценен он не золотом, а тем, что хранилось в секретном отделении под шелковой подкладкой. Что именно было в портсигаре, тетка отказалась говорить наотрез. Вещь чрезвычайно важная, отданная ей на сохранение. На пропажу портсигара она не стала обращать внимание. А вот потеря вещицы неприятна. И может иметь далеко идущие последствия. Тот, кто взял портсигар, скорее всего не догадывается о том, что в нем хранится. Это было бы к лучшему. Но если украдено с умыслом, тогда дело принимает дурной оборот.

– Возможно, портсигар затерялся, – сказал Бобби не слишком уверенно.

– У меня ничего не теряется, – ответила тетушка. – Служу уже допросили и обыскали. Пришлось мне обратиться к старинному другу, Николаше Сабурову, он нынче директор департамента полиции. В юности был в меня влюблен. Но это в прошлом. Обещал взяться за это дело со всей тщательностью. И представь: с утра от него уже приходил какой-то моложавый господин. Такой внимательный, все вынюхивал, расспрашивал меня и слуг, и глаза у него, знаешь, Бобби, такие вкрадчивые, словно хочет вывернуть душу наизнанку. Но усы у него, откровенно скажу, вульгарны.

– Так он нашел пропажу?

– Разумеется, нет!

– Чем же я тебе могу помочь?

– У тебя в друзьях вся столица, вот и поспрашивай...

Бобби искренно не мог понять, что от него хочет родственница.

– О чем, тетя, мне спрашивать? Не ты ли, друг мой, украл портсигар княгини Марии Кирилловны?

– Нет, милый племянник, совсем о другом надо расспрашивать. Постарайся узнать, кто это называет себя Лунным Лисом.

Мария Кирилловна заметила, что с лица Бобби слетело привычное выражение легкой беззаботности. Он стал серьезен и даже немного строг, что было непривычно.

– Откуда ты узнала, что портсигар украл именно Лунный Лис? – спросил он.

– И ты уже слышал об этом субъекте? – ответила тетюшка. – Выкладывай, что там у вас болтают в мужских компаниях.

Бобби признался, что до него доходил какой-то слух, но значения ему не придавал.

– Портсигар пропал в доме, значит, Лунный Лис оказался у тебя, – сделал он неизбежный вывод. – Признавайся, кого из столичных преступников ты пригласила на прием?

– Не болтай глупостей! – Тетка махнула на него платочком. – Были только наши, все свои. И говорить не о чем. Ты можешь помочь мне, порасспросив своих сплетников.

– А что Лис оставил вместо портсигара? – наконец вспомнил Бобби.

– Вы слишком любопытны, князь, – строго сказала Мария

Кирилловна и добавила: – Бобби, если хочешь помочь моей беде, иди и не возвращайся без новостей.

Племянник послушался. Поцеловав тетушку, он немедленно откланялся.

Выйдя на улицу, Бобби в раздражении топнул ногой и угрозил кулаком кому-то невидимому. Подозвав извозчика, он приказал к министерству финансов. От швейцара, дежурившего у парадных дверей, Бобби потребовал вызвать чиновника Рибера, немедленно и без всяких отговорок. Дожидаюсь, он прогуливался по Дворцовой площади, цокая каблуками по брусчатке и не глядя на хорошеньких барышень, которые с откровенным интересом глаз не могли отвести от статного красавца.

– Что же мрачен ты, Бобби, как петербургская весна?

Вынув портмоне, Бобби отсчитал сто рублей и протянул господину в хорошо сидящем гражданском сюртуке.

– Можешь торжествовать, ты опять выиграл.

– Неужели? – Господин из министерства финансов небрежно принял купюры. – Опять Лунный Лис? Чувствую, что на этом пронице я разбогатею! Кто на этот раз?

– На этот раз воришка перешел границу и стал моим личным врагом. Он обокрал мою любимую и дражайшую тетушку! – ответил Бобби. – Шутки кончились. Тут уж не только пари, дело принципа. Не надейся, Джордж, что это тебе сойдет с рук.

– Неужели? Но пока четыре – ноль в мою пользу! – отве-

тил чиновник Рибер, Григорий Иванович, носивший среди друзей кличку в английском стиле.

– Наше пари не закончено, – заявил Бобби, который не умел и ненавидел проигрывать никогда и ни в чем. – Я отыграюсь, вот увидишь. Прямо здесь, не сходя с этого булыжника, заключаем новое пари. Ставлю тысячу на то, что этот негодный Лис никогда не сможет обокрасть... ну, скажем, мою невесту. Принимаешь?

– Ого! Тысяча! Игра пошла по-крупному, – ответил Рибер, протягивая ладонь. – Точно разбогатею.

Бобби сжал пальцы со всей силы, но в ответ получил отчаянное сопротивление.

– И не надейся! – пыхтя, говорил он, стараясь передавить приятеля. – Мы, Бобрищевы-Голенцовы, никогда не отступаем... Вот так... Вот я тебе...

Поупражнявшись, приятели наконец расцепили хватку. Да и швейцар уже косо поглядывал на господ, затеявших возню у порога важного министерства, буквально напротив Зимнего дворца.

Рибер потирал багровую ладонь, но и Бобби досталось.

– Кстати, не знаешь, кто прячется под маской Лунного Лиса? – спросил Бобби.

– Если бы знал, то играл бы с тобой на десять тысяч, – ответил Рибер. – Мы, чиновники министерства финансов, свою выгоду не упустим.

– Увидимся вечером! – то ли пообещал, то ли предостерег

Бобби.

Крестовский остров, находясь в городской черте, уже принадлежал дачному миру. Начиная с мая отдельные дачные домики, разбросанные по острову, утопали в зелени. По аллеям и дорожкам прогуливались столичные жители, которым лень было ехать дальше на природу, открывались летние рестораны и эстрады с духовыми оркестрами, жизнь кипела и была праздничным ключом. Но сейчас, во время весеннего межсезонья, Крестовский представлял печальное зрелище. Сквозь голые ветви деревьев просвечивали силуэты наглухо заколоченных дач, в кронах каркали вороны, а островки последнего снега сжимались от напозавшей сырой земли.

Дача, принадлежавшая министерству внутренних дел, находилась в отдаленном углу острова, куда не заглядывали дачники. Деревянный домик, выкрашенный грязно-желтой краской, ничем не выделялся среди других строений, скорее выглядел подчеркнуто скромным и неприметным.

Полковник Секеринский не позволил себе прибыть после министра. Когда закрытая карета подъезжала к калитке, он вытянулся по стойке «смирно», лично открыл дверь и помог сойти. Граф Толстой приветствовал его милостиво, спросил о здоровье семьи и вел ничего не значащую беседу, пока они не оказались в помещении, согретом чьей-то невидимой заботой. Полковник помог министру снять тяжелое пальто

на бобровом меху и скинул шинель на вешалку. Невидимая прислуга накрыла чайный столик с кипящим самоваром, зажгла свечи и задернула занавески, чтобы ничей нескромный взгляд не помешал приватной встрече.

Граф Толстой предложил согреться чаем, чтобы изгнать весеннюю промозглость. Секеринский понял, что разговор будет непростым, раз министр, не терпящий пустой болтовни и траты времени, не может начать прямо. Он взял чашку и стал отхлебывать маленькими глотками, чтобы не упустить нужный момент. В этом мирном чаепитии был еще один подтекст, непонятный посторонним. Секеринский хоть и возглавлял Отделение по охране общественной безопасности и порядка, в просторечии «охранка», но чин полковника имел по жандармскому корпусу. А граф Толстой был шефом корпуса жандармов. Выходило, что великий магистр рыцарского ордена удостоил аудиенции одного из своих верных рыцарей. Что было намного больше награды и говорило о личном доверии.

– Полковник, что вы думаете о реформе Витте?

Вопрос, заданный в лоб и без малейшего предупреждения, не застал полковника врасплох. На этот счет Секеринский имел твердое мнение.

– Я думаю, что государству это может нанести существенный вред. Бывали на Руси и золотые червонцы, и серебряные. И что с того? Ничем хорошим это не закончится. Купцы наши хитрее, быстро смекнут, что бумажки можно поме-

нять на золото, и забьют им все подвалы. А кто хитрее, увезет золотишко куда-нибудь подальше, да хоть в Лондон. И останемся мы ни с чем.

– Рад, что вы так мудро смотрите на этот вопрос, – сказал граф Толстой. – Тогда вы должны понимать, что над Россией нависла страшная угроза. Только слепцы ее не замечают. Угроза эта страшнее бомбистов и революционеров, с которыми мы, с Божьей помощью, успешно боремся и скоро выведем под корень. Тут беда такого масштаба, что головы не сносить. И противиться ей очень трудно.

Секеринский выразил полную готовность предпринять любые усилия, чтобы защитить империю.

– А что мы можем сделать? – риторически спросил граф Толстой. – Мы бессильны перед монаршей волей. Государь наш, имея доброе сердце, доверяется порой кому попало. Конечно, ослепление такое пройдет, но как бы тогда не было поздно. Что думаете, полковник?

И с этим начальник охраны был целиком согласен. Он ждал, когда ему прикажут что-то делать. Конкретные действия, даже самые трудные, были ему ближе намеков, полунамеков и разного рода подмигивания. Он бы предпочел, чтобы ему сказали прямо: того – в камеру, сего – допросить с пристрастием, а этого довести до тишайшего состояния. Специалисты имелись всякие и все, как на подбор, надежные.

– Есть у меня одна мысль, вот только не знаю, как к ней

подобраться, — опять повел обходной маневр граф Толстой. — Вот если бы открыть глаза государю на тех, кого он наградил своим доверием. Да так ему глаза открыть, чтобы он убедился, каких змей пригрел на своей монаршей груди!

Полковник плохо представлял, как может самому государю открыть глаза, но идею всячески поддержал.

— Приказывайте, ваше высокопревосходительство! — только сказал он.

Граф Толстой аккуратно поставил чашку на хлипкий столик.

— Да что же я вам могу приказать, дорогой Петр Васильевич. Тут ведь такое тонкое дело, не знаешь, как подобрать-ся...

Ну, это было для полковника пара пустяков. «Тонкие» дела у охраны выходили отлично. Для этого имелся целый арсенал проверенных и безотказных приемов, да и людишки нужные всегда под рукой.

— Это возможно. Нужно время, чтобы к самому подобраться...

— Время сейчас на вес золота, — сказал граф Толстой столь значительно, что у полковника не осталось сомнений в его желании. — Шестнадцатого марта наш ловкий министр финансов будет делать доклад о своей реформе на Государственном совете. Необходимо, чтобы до этого государь отчетливо увидел, с какими людьми имеет дело.

Позволив себе некоторые раздумья, Секеринский много-

значительно кашлянул.

– Тогда надо выбрать кого-нибудь калибром поменьше. Кого изволите?

– На ваше усмотрение, Петр Васильевич. Только помните: мы сражаемся за будущее всего государства, поэтому результат должен быть столь зрим и вещественен, чтобы ни у кого... – палец графа указал в потолок, – ...не осталось и малейшего сомнения.

– Можете не сомневаться. Слушаюсь...

– Ах, Петр Васильевич, как приятно, что вы понимаете все с полуслова. Только не забывайте: должно быть сделано с умом, расчетливо и точно. И самое главное: неотразимо.

Именно так и делаются «тонкие» дела. Секеринский уже перебирал кандидатов на ответственное задание. Тут нужен был человек незаурядного таланта. Впрочем, одна кандидатура была на примете. Да и мысль у него сразу мелькнула столь оригинальная, что полковник даже удивился, как такое могло прийти в голову. Однако же ничего невероятного, чего бы нельзя было провернуть за считанные дни, оставшиеся до назначенного срока, в этой идейке не было. Выполнимо и реалистично. Будет и тонко, и неотразимо, как жаждет министр. Просто отличная идейка созрела.

– Могу предложить следующую комбинацию...

– Подробности оставляю на ваше усмотрение, – быстро сказал граф Толстой. – Верю, что вы справитесь.

– Нужна небольшая поддержка с вашей стороны.

Граф Толстой сдвинул брови, отчего выражение доброго спаниеля стало совсем не добрым, а старчески-брезгливым.

– Что такое?

Секеринский быстро и точно объяснил, что ему нужно. Просьба показалась министру столь дерзкой и чрезмерной, что он было подумал: а не лишился ли полковник ума? Но начальник охраны быстро убедил его, что в этом нет никакого риска. Зато результат будет отменный. Он ручается своей головой и погонами жандарма. Быстро разложив ситуацию на возможные варианты, граф Толстой пришел к выводу: риск есть, но обещанный результат того стоил. Витте уже никогда не отмоется. Он обещал замолвить словечко, когда это потребуется.

Спорт в жизни чиновника министерства финансов Рибера занимал почетное второе место. На первом, конечно, был золотой рубль. Но если грядущая реформа приносила моральное удовольствие, то на спорт Рибер потратил все свое наследство. К дому неподалеку от казарм Измайловского полка он пристроил настоящий атлетический зал. И пусть зал был не самый крупный в России, прямо сказать, небольшой зальчик, зато настоящий. С дубовым полом, шведскими стенками и всем необходимым для занятий атлетикой. Зал предоставлялся всем желающим совершенно бесплатно. В нем тренировались не только поклонники легкой атлетики, но даже боксеры и борцы. Рибер пускал всех, кто искренно любил спорт во всех его проявлениях.

Нынче в зале было не протолкнуться. Репортеры всех петербургских газет, и даже нескольких московских, друзья, болельщики, жены, подруги, любопытные и просто зеваки набились тесной толпой, чтобы не пропустить историческое событие: официальное представление первой российской олимпийской команды.

Рибер проявил исключительную скромность. Все внимание он отдал генералу Бутовскому. Алексею Дмитриевичу вот-вот должно было исполниться шестьдесят. Рост он имел совсем не героический и сложение не спортивное, но разви-

тие спорта вообще, а гимнастики в частности поддерживал изо всех сил. Он состоял в личной дружбе с основателем возрожденного олимпийского движения Пьером дэ Кубертенем и вошел от России в Международный олимпийский комитет, который назначил на 24 марта открытие первой Олимпиады в Афинах.

Генерал Бутовский, смущенный обилием народа и репортеров с блокнотами, вышел вперед и начал свою речь чуть слышно. В зале зашикали, воцарилась полная тишина. Голос Бутовского стал громче. Он говорил о том, как важно, что нашлись в России люди, которые поддержали олимпийскую идею, и теперь в Афины отправится целая команда, она будет достойно представлять страну. Особо благодарил министра финансов, но не забыл и прочих энтузиастов спорта. Не умея долго и красноречиво говорить на публику, генерал заметно смутился, закашлялся, но нашел выход из положения. Он представил команду, которую имел честь возглавлять.

Самой большой была сборная по легкой атлетике. В нее вошли господин Рибер, взявший на себя прыжки в длину. Метание диска и копья досталось князю Бобрищеву-Голенцову. Бобби приветливо помахал публике и был встречен скромными аплодисментами. В соревнованиях по классическому бегу должны были выступить Петр Лидваль, а на забег с барьерами выйдет Антон Граве. Барон Сергей Дюпре, молодой человек, только-только достигший совершеннолетия, собирался принять участие в марафонской дистанции. Его

худая фигура и бледное лицо репортерам понравились, они наградили юношу приветствиями. От чего он пришел в глубокое смущение.

С каждой новой фамилией росло возбуждение. Публика яростно была в ладоши, выкрикивала радостные возгласы, нашлись и те, кто размахивал шляпами в помещении. Поддавшись всеобщему воодушевлению, генерал Бутовский приободрился и представил другие виды спорта. В соревнованиях по вольной борьбе будет участвовать чемпион петербургского клуба «Геркулес» Илья Мангейм. Крепыша, на котором еле сходилась пиджак, оглушили овации. В соревнованиях по стрельбе примет участие чиновник министерства финансов Федор Немуров. Этого человека с никому не знакомой фамилией приняли на ура, не хуже, чем оперную звезду. Наконец, в состязания по гимнастике за Россию выступит князь Лев Урусов. На господина в твидовом пиджаке отреагировали вяло. Видно, заряд эмоций был растрочен. Князь презрительно вздернул усы и скрылся в толпе. Бутовский не стал скрывать, что состязания по фехтованию, плаванию и теннисные матчи пройдут без российских спортсменов. И все же команда, которую посчастливилось собрать, может рассчитывать на хорошую копилку золотых медалей. Он в этом не сомневался и просил всех поддерживать наших спортсменов, болея за них со всем жаром души.

Генералу ответили полной поддержкой.

От накотивших восторгов Бутовский так расчувствовал-

ся, что не удержался и пустил слезу. К нему бросился молодой человек с кудрявой шевелюрой, порывисто обнял и, как будто заслонив собой, обратился к публике, широко раскинув руки:

– Господа! Это! Великий день! Событие! Невероятно! Рассказывать детям! Новая эра! Спорт! Мир! Сверхшения! Победы! Олимпиада! Россия! Мы! Торжество духа! Красота! Потрясение! Незабываемое! Состязания! Медали! Мы им покажем!

Молодого человека так переполняли эмоции, что он не мог говорить связно, а только выкрикивал отдельные фразы. Он покраснелся, из-под жилетки вылез угол сорочки, раздались смешки и крики «Молодец!». Рибер уже собрался спасти положение, но генерал овладел собой.

– Простим искреннюю горячность моего юного помощника Павла Чичерова, – обратился он к залу. – Думаю, его чувства разделяют все присутствующие.

Эти слова заслужили аплодисменты. А вконец разрыдавшегося Чичерова увел Бобби, обнимая за плечи и легонько похлопывая по спине.

Официальная часть была закончена, репортеры бросились задавать вопросы. Бутовский совершенно потонул в толпе жадной прессы. Прочие члены сборной не вызвали такого интереса.

Пробираясь сквозь гостей, истоптавших драгоценный пол его зала, Рибер подошел к девушке в строгом платье, что дер-

жалась подальше от толпы, у стены.

– Я так рад, что мы поедем в Афины вместе, – сказал он, слегка пожимая ее пальцы. – Как свадебное путешествие. Хорошо, что вам удалось уговорить дядю.

– Вы столько для него сделали, – ответила барышня.

– Разве вам, Женечка, это не доставит удовольствие?

– Свадебное путешествие до свадьбы – это оригинально.

– Это упрек?

– Ничуть.

– В начале мая я должен быть в столице. Министру будет нужна моя помощь.

– Я же сказала, что рада предстоящей поездке, – и Женечка улыбнулась.

Улыбка вышла несколько натужной, хотя не портила барышню. Женечка была в том счастливом возрасте, когда любое движение лица кажется милым и приветливым. Про нее никто не сказал бы, что она красавица. Скорее ей было присуще тихое северное обаяние. Многие считали ее скромницей, даже излишне скромной, но Женечка никогда не изменяла своему характеру. Она не смеялась громко, не понимала бурных эмоций и не любила шумных компаний. Никогда не старалась понравиться или использовать женское кокетство. Злые языки пустили слух, что она холодна, как труп, но эта сплетня сама собой сгинула. Во многом помогло оглашение ее помолвки с Рибером. Нынешнее событие Женечка переносила как неизбежную жертву невесты будущему се-

мейному счастью.

Рибер прикоснулся губами к кончикам ее пальцев и отпустил руку. Он извинился, что должен отойти. Женечка была не против опять остаться одна. Чтобы скоротать время, она стала подглядывать за дамой в роскошном бело-голубом платье, которая что-то высматривала на полу. Дама была ей знакома, но это не значило, что с ней надо было разговаривать.

Олимпиада Звягинцева, невеста Бобби, которую он пригласил ради своего маленького триумфа, действительно что-то искала под ногами. И никак не могла найти. Бобби подошел к ней сзади и легонько приобнял за талию.

– Представь себе, Липа, милая, Пашка Чичеров совсем расклеился, ревет как белуга! Такой забавный!

– Я очень рада, – сдержанно ответила Липа, освобождаясь от объятий, не вполне приличных.

Бобби наконец заметил свою оплошность.

– Прости... Ты что-то потеряла?

Липа не ответила, напряженно разглядывая пол.

– Что у тебя пропало? – с неожиданным раздражением спросил Бобби.

– Пустяки, ерунда, – попыталась отделаться она, но Бобби уже поймал ее локоток. Развернув к себе, он потребовал ответить, что случилось.

Не ожидая такого напора от беззаботного спортсмена, Липа выразила возмущение:

– Что за тон? И какое тебе дело до женских мелочей?

– Если у тебя что-то укр... потерялось, я должен об этом знать.

– С каких это пор тебя стали интересоваться мои вещи?

– Будь так любезна, просто ответь: что ты не можешь найти? – И он ощупал ее ручной мешочек.

Поведение Бобби было столь удивительным, так непохожим на его обычное обращение, что Липа отстранилась от него.

– Если ты настаиваешь... У меня куда-то делась брошь с изумрудом, которую ты мне подарил. Положила в мешочек и вот теперь не могу найти...

– Проверь еще раз, – потребовал Бобби.

Таким озлобленным Липа его никогда не видела. Она передернула плечиками, развязала тесемки, немного порылась внутри и вытащила скомканный клочок, на котором виднелись корявые черточки, отдаленно похожие на «W». Рассмотрев надпись, Бобби скомкал листок, со всей силы кинул его на пол, словно желал разбить вдребезги, и выругался так, как не каждый извозчик сумеет. Липа смотрела на него широко раскрытыми глазами. Бобби было уже все равно. Забыв про невесту, он направился к Риберу, который о чем-то говорил с Лидвалем. Попросив его на минуточку прерваться, Бобби вытащил чековую книжку и широким росчерком вписал тысячу.

– Будь ты проклят, и твой Лунный Лис с тобой вместе, –

от всего сердца сказал он.

Рибер присвистнул от удивления, но чек аккуратно сложил в карман.

– Неужели?

– На глазах у всех вытащил у Липы из мешочка мой подарок и еще метку свою оставил, негодник!

– Я желаю Лунному Лису всяческого здоровья, кормилец мой! – ответил Рибер.

Бобби не был расположен шутить. Ему нанесли удар по самому незащищенному месту: самолюбию.

– Издеваешься? – спросил он. – Так вот я тебе докажу, что твой Лунный Лис не всесилен. Так дам ему по носу, что он... Иду ва-банк!

– К вашим услугам. Принимаю. Мне есть что проигрывать. Тем более счет уже пять – ноль!

– Какая невыносимая боль! – прорычал Бобби и сжал кулаки. – Ничего, я такую ставку сделаю... Я на себя ставлю! Пусть попробует меня обокрасть! Посмотрим, кто тогда посмеется последним.

Неизвестно, чем закончился бы этот дружеский разговор. Бывали случаи, когда Бобби, потеряв над собой контроль, вытворял такое, о чем долго жалел и приносил извинения. К счастью, очень вовремя подошел Граве и спросил, что у них тут происходит, о чем идет горячий спор. Бобби как-то сразу остыл, извинился и отошел.

– Что это с ним? – спросил Граве.

– Очень сильно обиделся на Лунного Лиса, – ответил Рибер.

– Он что, его знает?

– Во всяком случае, регулярно проигрывает мне пари на его победы. Но это большая тайна, – Рибер приложил палец к губам. – И мой тебе совет: при Бобби лучше не поминай Лунного Лиса. Как бы чего не вышло.

– А ты знаешь, кто это такой?

– Был бы счастлив с ним познакомиться! И даже наградить обедом.

– Но предположения есть?

Рибер поманил к себе:

– Скажу тебе по секрету: он может быть где-то рядом. Попробуй угадать его.

Поблагодарив за совет, Граве отправился разыскивать князя.

Между тем репортеры истощили запасы любопытства, исписав грифели своих карандашей. Генерал Бутовский наконец освободился из-под их опеки. Он попросил Чичерова, который вполне оправился от слез (только глаза покраснели), напомнить всем членам команды, что сегодня вечером состоится заключительное собрание в узком кругу перед поездкой. Никаких дам и жен. Сугубо деловая встреча. Но всем быть непременно.

Чичеров бросился исполнять со всем жаром. А генерал Бутовский подумал, что это, наверное, лучший день в его

жизни. Все, о чем он мечтал, так желал и не верил, что это возможно, вдруг сбылось. У него есть команда, пускай набранная впопыхах, но зато искренне жаждавшая побед. Всем выданы заграничные паспорта. Денежные трудности, связанные с проживанием сборной в Греции, вдруг разрешились сами собой. Билеты на поезд и пароход закуплены. И они на самом деле едут на первую Олимпиаду! Разве это не повод для полного счастья?

Бутовский уже представлял себе голубое греческое небо, стадион в Афинах, долгожданную встречу с Пьером дэ Кубертенем и друзьями по Международному олимпийскому комитету, открытие Олимпиады в первый день Пасхальной недели и огромную радость, что ждала его впереди. Кто-то приветствовал его, кто-то выражал восторги, генерала даже хлопнули по плечу, но он не обращал внимания на окружающую суматоху. Механически кланялся, и улыбался, и что-то отвечал невпопад. Всеми мыслями он был уже в Греции.

И тут, откуда ни возьмись, перед Бутовским возник коренастый господин юного возраста с цепким взглядом. Он совсем не походил на репортера или любителя спорта. А на что походил незнакомец, генерал отчетливо понять не мог. Было в нем что-то такое, что вызывало безотчетную тревогу. Радость, так переполнявшая Бутовского, завяла и скукожилась. Сладкое наваждение исчезло. Как будто перед ним стоял не человек, а вестник древнего рока. Совершенно игнорируя происходящее вокруг, будто ему и дела нет до праздника

спорта, юный господин не отрываясь смотрел на генерала.

– Что вам угодно? – спросил Бутовский излишне раздраженно. Так не понравился ему этот человек.

– Мне угодно передать важное сообщение для вас, – последовал ответ. – Здесь несколько шумно, прошу следовать за мной.

И молодой человек пошел к выходу, словно был уверен в покорности генерала. Что удивительно: так и случилось. Бутовский подчинился и сам не мог понять, что его заставило. То ли твердость, с какой было высказано приглашение, то ли упрямая наглость, сквозившая в этом субъекте. Генерал упустил, что этот субъект посмел обратиться к нему без обязательного «ваше превосходительство».

Они вышли в уличную сырость. Генералу протянули конверт, добавив просьбу, похожую на приказ, ознакомиться на месте. Бутовский покорно надорвал край, развернул лист и в гаснущем свете дня прочел послание. Содержание его было кратко и столь невероятно, если не сказать – дико, что и слов нужных не подобрать.

– Зачем вам это? – только и смог проговорить он.

– Есть особые обстоятельства.

– Но это совершенно невозможно!

– Нет ничего невозможного, – было заявлено Бутовскому.

– Кого я должен принести в жертву?

Ему назвали фамилию. Бутовский растерялся еще больше: один из лучших спортсменов, почти наверняка чемпион.

– Почему именно он?

– Я не могу вдаваться в подробности.

– Повторяю: это невозможно... Я понимаю желание директора Департамента, но...

– Не будем терять время, я все беру на себя.

– Да кто вы такой? – раздраженно спросил Бутовский.

Молодой человек улыбнулся и подернул роскошные усы вороненого отлива:

– Просто Ванзаров. К вашим услугам, генерал.

В клуб «Геркулес» Илья Мангейм вернулся, чтобы собрать в дорогу спортивную амуницию. Он не мог поехать в Афины без счастливого пояса: толстого ремня с двумя застёжками, которым перетягивал поясницу во время схватки. Пояс этот, несомненно, помог ему выиграть кубок столицы и одолеть самого Луриха. Скрутив его кольцом, Мангейм бережно, как драгоценность, положил в саквояж, туда же отправил борцовские трусы и на всякий случай – полосатое трико, в котором выступал на показательных боях в цирке. В Афинах точных правил проведения борцовских поединков не было. Соревноваться могли борцы любых весовых категорий. В чем выходить на ковер, тоже не было известно. Возможно, разрешат трусы с поясом, а может, сочтут борьбу без трико неприличной. Все-таки ожидается присутствие лиц греческого царского дома.

На прощание Мангейм окинул взглядом родные стены, увешанные снимками борцов-чемпионов. С тайной надеждой подумал он, что скоро здесь появится его фотографический портрет в полный рост. Стоит он, выкатив грудь колесом и согнув руки в локтях, чтобы рельефнее виднелась мускулатура, а с могучей шеи свешивает медаль. Золотая медаль первой Олимпиады. Все члены клуба будут гордиться дружбой с настоящим олимпийским чемпионом. Хорошо

бы, чтоб у фотографии повесили лавровый венок. Очень это вдохновляет. Он даже присмотрел место для снимка: как раз напротив входа.

Нельзя сказать, что Мангейм был жаден до славы. Слава ему доставалась. Но была она мелковата, как икра хилого осетра. Не было в ней нестерпимого блеска, от которого перехватывает дыхание, особенно у дам, когда им хочется преклоняться перед кумиром. Мангейм побеждал много и часто, но в когорту великих борцов, собиравших полные трибуны цирка, все еще не вошел. Имя его было известно любителям борьбы, и стало еще известнее после недавнего триумфа. Но вот спроси на улице первого встречного мальчишку – разносчика пирожков: «Кто такой Мангейм?» – промолчит, не ответит. Эта «полуслава» раздражала, как камешек в ботинке. В дальних закоулках души Мангейм надеялся, что победа на Олимпиаде, в которой он ни секунды не сомневался, принесет ему долгожданный аромат лаврового венка. И всероссийскую известность. Будут еще его портреты из газет вырезать и в деревенских избах по стенам расклеивать.

Мечтания были прерваны звуком быстрых шагов. В пустых залах эхо разносилось стремительно. Мангейм подумал, что вернулся кто-то из членов клуба. Дверь распахнулась, и вошел сам генерал Бутовский. За ним держался незнакомый господин. Визит был несколько неожиданным: часа через три и так общее собрание команды. Что за срочность такая? Мангейму показалось, что генерал несколько

взволнован, будто чем-то озабочен или расстроен и старается отводить взгляд. Что было совсем странно после триумфального приема в зале Рибера.

– Что-то случилось, Алексей Дмитриевич? – спросил Мангейм, отодвигая саквояж в сторону.

Генерал замялся, не зная, как начать, обернулся к незнакомцу у него за спиной, но так ни на что и не решился.

– Видите ли, Илья... Тут такое дело... Не знаю, как и сказать вам...

Бутовский всегда источал уверенность и оптимизм, чем заражал всех членов команды. Именно его твердость и настойчивость позволили подготовить поездку в Афины на должном уровне. А тут его словно подменили. Мямлит, как баба, глаза прячет. Что за странность? Такого генерала Мангейм еще видел.

– В команде какая-то неприятность? – спросил он.

Бутовский махнул рукой и уселся на диван.

– Вот пусть этот господин вам и объяснит.

Без тени сомнения незнакомец приблизился к Мангейму, отвесил легкий поклон и приятно улыбнулся.

– Имею честь сообщить, что ваша поездка в Афины отменяется.

– Почему? – спросил Мангейм, еще не до конца осознав смысл сказанного.

– Вместо вас должен поехать другой человек. А вы свою медаль возьмете на следующей Олимпиаде.

Новость была столь неслыханной и бессмысленной, что Мангейм не мог в нее поверить, все еще надеясь, что это ошибка или глупый розыгрыш.

– А кто поедет вместо меня: Лурих или Меттер?

– Эти прославленные борцы останутся дома. Поеду я.

Мангейм смерил взглядом беспардонного субъекта. Ростом чуть ниже среднего, в плечах крепкий, ладно и прочно сложен, будто вытесанный из крепкого дуба, шея массивная, руки сильные. Но на борца слабо смахивает. Да еще усы дурацкие. С такими только в цирке выступать. Вглядевшись в его лицо, Мангейм убедился: в мире борьбы этот господин никому не известен. Во всяком случае – ему.

– А вы кто такой будете?

– Просто Ванзаров.

– Просто, значит? Это хорошо. А за какие такие заслуги вас вместо меня в команду сунули? И здесь связи и знакомства? Что же это делается, Алексей Дмитриевич?

Бутовский сделал вид, что не услышал, старательно разглядывая фотографии.

– Я понимаю ваши чувства, господин Мангейм, – сказал Ванзаров. – Поверьте, это суровая необходимость. Эта ситуация не доставляет мне удовольствия. Я вынужден так поступить. Прошу вас проявить мужество и благоразумие. Буду вам за это крайне признателен.

– Надо же, какие слова! А вот я возьму и так вам отвечу... – Мангейм выставил сочную фигу прямо в нос наглеца.

Ванзаров вежливо кивнул.

– Это естественная реакция. Готов сделать вам предложение: если вы хотя бы раз из трех поединков положите меня на ковер, я немедленно уйду. А вы поедете в Афины. Уговор?

Мангейм, не раздумывая, пожал протянутую руку. Скинув пиджак, сорочку, брюки и ботинки, он остался в одних трусах, вынул счастливый ремень и туго перепоясался.

– В костюмчике бороться будете?

Ванзаров снял ботинки, аккуратно повесил на стул сюртук, расстегнул ворот и закатал рукава.

– Не возражаете, если буду так?

Мангейм не возражал. Ему же лучше. Приняв стойку, он крепко уперся пятками в холодный паркет, чуть согнулся и выставил руку для захвата. Соперник не проявил желания драться. Пришлось поманить его ладошкой. Жест этот для настоящего борца оскорбительный, выражает глубокое презрение к противнику, но для этого типа в самый раз. Все равно ничего не понимает.

Бутовский, следивший за происходящим, не сразу понял, что произошло. Только что главная надежда на золотую медаль стоял в агрессивной позе, готовый к борьбе, как вдруг перелетел кубарем и шмякнулся об пол. Чемпион будущих Олимпиад был повержен буквально одним движением.

– Туше, – сказал Ванзаров, будто заказывал чашечку кофе. – Раз...

Мангейм вскочил в такой ярости, что чуть не нарушил

неписанный кодекс. Он готов был броситься на противника без предупреждения. Но спортивное благородство победило. Один раз еще ничего не значит, это не поражение. Пусть враг применил хитрый и неожиданный прием, и вместе с тем на этом его, Мангейма, больше не поймать. Уж он возьмется как надо, счастливый пояс вытянет! Мангейм принял стойку.

– Атакуйте! – приказал он, умиряя дыхание.

Генерал заметил только, как Ванзаров схватил Мангейма за пояс, они сцепились яростно, раздался сдавленный рык, после чего чемпион Петербурга взмыл легкой бабочкой и упал на спину, придавленный соперником.

– Туше, – сказал Ванзаров ему в лицо и быстро встал. – Два...

Мангейм саданул кулаком по полу, отчего паркет вздрогнул. Он вскочил и, уже не помня ни себя, ни правил, ни кодексов, кинулся на врага. Так хотел скрутить его в бараний рог, столько вложил силы в атаку, что не заметил одну мелочь. Ванзаров чуть отстранился, пропуская выпад. Мангейм по инерции полетел вперед, поскользнулся и грохнулся на паркет, больно ударив плечо. Вся энергия ушла в пустоту. Сила была растрочена зря.

– Не считается! – крикнул он. И ринулся снова.

Мангейм только успел подняться, как Ванзаров стремительным движением подхватил его, развернул боком, лишая точки опоры, и перекинул через бедро, держа в падении, тем лишая последнего шанса вывернуться. Мангейм приземлился.

ся на лопатки. Он был повержен.

– Три, – услышал он голос соперника, в котором не было и капли торжества. – Прошу меня простить...

Злость исчезла, словно ее сдуло. Мангейм встал с пола, не ощущая боли и стараясь не думать, как такое могло случиться. Чтобы не смотреть на врага, а тем более не подать ему руку, он вцепился в счастливый пояс, стараясь расстегнуть рывком, пальцы не слушались.

– Поздравляю, ваша взяла... – все-таки сказал он. – Где научились таким приемам?

– У меня были хорошие учителя, – ответил Ванзаров, застегивая запонки.

– Если со мной справились, значит, из Афин точно медаль привезете.

– Там видно будет. Не держите на меня зла. – Ванзаров протянул руку.

Мангейм не нашел в себе сил игнорировать жест благородства. Пожав ладонь победителя, он вдруг понял, что не испытывает к нему ни вражды, ни зависти.

– Желаю успеха, – пробурчал он, подхватил саквояж и быстро вышел, как уходит проигравший, оставляя славу, поле боя и счастье победителю.

Бутовский старательно отводил глаза. Хоть этот господин поразил его борцовским талантом, но как себя повести и что сказать, он не знал. Генералу помогли.

– Принимаете в команду? – спросил Ванзаров.

– Добро пожаловать... Только ответьте честно: ну зачем вам это нужно?

– Скажем так: во мне зажгли интерес к олимпийскому движению. Пылает он так ярко, что можно обжечься ненароком, – и Ванзаров чуть заметно подмигнул.

В недра Апраксина рынка даже полиция без особой нужды предпочитает не соваться. Постороннему здесь делать нечего. А вот пропасть, как в лабиринте Минотавра, можно очень просто. За внешним фасадом торговой галереи с чистенькими лавками, игривыми приказчиками, изобилием товаров и ярко разукрашенными витринами скрывается такое, о чем лучше не знать. Сразу за Садовой улицей во внутренних дворах начинается другой мир. Подвалы, запертые пудовыми замками, горы мусора и гнилого товара, штабеля бочек и тюки веревок, под ногами вековая грязь и объедки, которые бросают кому не лень. Шныряют здесь такие темные личности, что ни днем, ни ночью с ними лучше не встречаться.

Молодой господин, одетый в чистое, хоть и скромное пальто, шел уверенно, словно бывал здесь не раз. За каждым его шагом следили чьи-то глаза, но не нашлось желающего попробовать его на слабинку, приставив к горлу ножичек. Злодеи, которые во множестве прятались по углам и тихим закоулкам, отчего-то не решились попытать счастья. Быть может, вид у прохожего был слишком самонадеянный, если не сказать дерзкий. Местные силу уважали, особенно, когда ее не стеснялись предъявлять.

Ванзаров нашел одному ему заметный ориентир, свернул

за угол безвестного склада и наткнулся на оборванца, дремлющего под навесом на тюках рванины. Мазурик изучил его из-под прикрытых век и не счел нужным шевелиться. Ванзаров наклонился и что-то тихо ему сказал. Слова произвели нужный эффект. Оборванец сорвался с наложенного места и куда-то исчез. Вернулся он так же прытко, сдернул картуз и вежливо доложил, что дорогого гостя просят.

В полуподвальном помещении было сухо и почти тепло. На пошарканном столе красного дерева возвышался бронзовый подсвечник. Оплывшие свечи освещали того, кто сидел за столом, лишь в части лица. Другая пряталась в темноте. Войдя под низкий свод, Ванзаров снял шляпу.

– Мир этому дому, – сказал он, впрочем, не поклонившись.

– Таким гостям всегда рады, – ответил хозяин. Вставать перед гостем ему было ни к чему. – Когда такие люди, как вы, Родион Георгиевич, с миром приходят, нам – одно удовольствие. Присаживайтесь, угощайтесь чем Бог послал.

Ванзаров выбрал стул с кривыми ножками, перетянутыми бечевкой.

– Дело у меня к вам, Семен Пантелеевич, вернее, совет ваш нужен, – сказал он, скрипнув шаткой мебелью.

– Без дела к Стеньке-Обуху ходить не стоит. А то, что за советом пришли, нам очень приятно. Чем могу помочь?

– Такая вот странная история. Завелся в ваших краях ловкий вор, который грабит состоятельных дам. Берет так, ерун-

ду: то колечко с брильянтом, то перстенок драгоценный, то браслетик с изумрудами. В общем – мелочь. Хозяйки такие потери легко переживут и даже шум поднимать не станут. Не то что за приставом посылать. Работает ловко и чисто, сразу видно, профессионал высокого класса. И ведь такая странность: записочку с росчерком оставляет на месте украденного. Что совсем любопытно: придумал себе романтическую кличку.

– Вот затейник...

– Именно так. Да вы ее знаете.

– Не имею чести.

– Неужели? А мне кажется, что наслышаны о похождениях Лунного Лиса.

– Слыхом не слыхивал, – ответил Стенька-Обух. – Кто такой будет?

Ванзаров удивленно присвистнул.

– Ну надо же! Старшина воровской артели всей Казанской части не знает, что у него под носом творится. Завелся ловкий вор, жирную добычу снимает, а Семен Пантелеевич о нем и не слышал. Плохо дело.

– Да что же тут плохого?

– Что мир воровской подумает и одиннадцать воровских старшин нашей столицы? А подумают и решат: не тот уже стал Стенька-Обух, не держит в кулаке доверенное хозяйство и Казанскую часть, где столько состоятельных господ проживает. Надо бы ему смену искать...

Семен Пантелеевич по-доброму усмехнулся:

– Ишь, куда хватили! Не нашлось еще того, кто Стеньку-Обуха сменить вздумает. Быстро укоротим.

– По-всякому может повернуться. Но я рад, что о Лунном Лисе вы уже осведомлены. Да и как может быть иначе: у вас столько источников информации. Болтливые кухарки, болтливые прачки, болтливые слуги. Я уже не говорю про истопников, дворников и столяров. Все про всех знаете...

– Не пойму, к чему клоните, господин Ванзаров.

– Я не клоню, а прямым текстом говорю: если найдете Лунного Лиса раньше меня, очень прошу не трогать. Мне даже весточку посылать не надо. Просто оставьте его в покое, пока я до него не доберусь. Прошу на всякий случай. Уверен, что успею чуть раньше ваших лихих ребят.

– С чего вдруг такая любезность?

– А с того, драгоценный Семен Пантелеевич, что Лунный Лис совершил большую промашку. Взял вещицу, касаться которой не следовало. И вам не советую. Иначе может случиться такая неприятность, что и ваш почетный статус не спасет. Надеюсь, вы меня правильно поняли.

Стенька-Обух поводил по крышке стола острием перочинного ножика.

– Слову вашему верю, иначе бы вы здесь не сидели, Родион Георгиевич. Вот только не пойму, какой же от меня совет получить хотели?

– Как думаете: вещицу эту опасную Лунный Лис по ошиб-

ке стянул или намеренно? – спросил Ванзаров.

– Вот вопрос! Откуда мне знать?

– А мне показалось, что из прислуги княгини Марии Кирилловны после обыска и допроса кто-то непременно вашим людям душу изольет.

– Ничего не знаю.

– В таком случае не смею больше отрываться от ваших дел, – Ванзаров встал, откинув стул носком ботинка. – Только не забывайте мою дружескую просьбу: оставьте Лунного Лиса в покое.

Семен Пантелеевич ничего не ответил, только улыбнулся чрезвычайно приятно. Он подождал, пока Ванзаров скрылся в проеме подвала, и крикнул мазурика, поджидавшего снаружи. Колька Слепень выслушал поручение воровского старшины со всем вниманием, переспросил, как следует поступить, чтобы ошибки не натворить, и, получив несомненное подтверждение, обещал исполнить в точности.

Он выскочил из подвала быстрее пули, пущенной в темном закоулке. А Стенька-Обух так и скоблил в задумчивости крышку стола перочинным ножом.

В большой гостиной генеральского дома было тесно. Члены команды томились в ожидании. Назначенное заседание все не начиналось. Были поданы легкие закуски и чай. Ничего крепче заварки на столе не найти. Бутовский требовал соблюдать спортивный режим перед соревнованиями и своих гостей не баловал. Общий разговор не клеился. Дюпре мрачно разглядывал чайную ложку. Князь Урусов, развалившись в кресле поперек сиденья, поигрывал папироской, которая тоже была запрещена. Лидваль то и дело поглядывал на карманные часы, всем видом показывая, до какой степени ему некогда.

Рибер не мог понять, откуда взялось невидимое, но осязаемое напряжение и что тому стало причиной. Так бурно и радостно представили команду репортерам, и вдруг какое-то уныние. Может, устали после сильных эмоций? Как часто бывает после высокого подъема, наступил спад, нервная система требует отдыха. Вот Немуров, вроде как обычно следит за своим начальником, не хуже дрессированной собачки. И все равно какой-то он кислый, нет в нем искры и живинки. Отчего? Или вот Бобби. Старательно отворачивается. Никак не может пережить поражения в споре. А ведь раньше всегда принимал проигрыши легко. Граве какой-то мрачный. То лез с дурацкими расспросами, то вдруг надулся и забился

в угол. Даже Паша Чичеров, у которого энергия была через край, тихонько ногти чистит. И Мангейма нет до сих пор, с чего это он вдруг смеет опаздывать. Рибер подумал, что все его усилия держать команду под невидимым, но твердым управлением в который раз пошли прахом. Только-только удалось выстроить так, что без его совета и мнения никто и пикнуть не смел. И вот опять все сначала. Господа не желают быть благодарными, не ценят всего, что он совершил для этой поездки, и делают вид, что ничем от него не зависят. Придется аккуратно показать, кто здесь главный. Иначе совсем забудут, кому обязаны своим счастьем.

Он искренно считал, что люди, которым сделано столько добра, должны быть благодарны постоянно. Должны источать любовь и признательность, должны всем видом показывать, как ценят его мудрую заботу. Вместо этого несносным личностям совершенно наплевать на доброго, отзывчивого, всегда готового помочь вождя. Совершенно никакой благодарности. Они и вождем-то его не считают. Сколько ни делай для них, все будет мало. Вместо упоения властью какой-то кислый осадок. Рибер окончательно убедился, что вся его доброта принимается как должное. С этим надо что-то делать. Не ценят благодетеля. Надо браться за воспитание, засучив рукава.

Бутовский наконец появился в гостиной. Рибер подумал, что и генерал не лучше остальных. Где бы он был со своими блестящими олимпийскими идеями, если бы не протек-

ция министра финансов? И все равно ничего не ценит. Недовольный, мрачный, суется, совершенно на себя не похож. Заразился, что ли, общим унынием? Или мерзкая погода так действует?

Посматривая, как Бутовский приглашает к столу, а члены команды лениво, с видимой неохотой занимают места, Рибер только сейчас заметил у двери незнакомого человека. Кажется, он мелькнул сегодня в атлетическом зале. Наверное, знакомый генерала. Но что ему делать на закрытом заседании команды? Совсем Бутовский от рук отбил, приглашает без его согласия кого ни попадя. Рибер со всей определенностью понял, что пора наводить в коллективе порядок. Жесткий и однозначный.

– Надо подождать Немурова, – сказал, демонстративно не приближаясь к столу.

– Нет не надо... – ответил Бутовский. – Он... Он позже будет. Давайте начнем.

В поведении генерала появилась суевливая лживость. Рибер это отметил, но причины понять пока не мог.

Бутовский, не обращая внимания на благодетеля, который так и остался в гордой позе одиночества, объявил собрание открытым. Он перечислил, что предстоит в оставшиеся часы. Завтра утром заграничные паспорта будут готовы в министерстве иностранных дел. Их заберет господин Чичеров. Паша тут же вскочил и заплетающимся языком обещал развезти всем, пусть никто не беспокоится, это он берет на се-

бя, для него это ничего не стоит, одно удовольствие. Генерал еле утихомирил энергичного помощника, что вызвало у Рибера ироническую усмешку. Бутовский ничего не заметил и продолжил как ни в чем не бывало. Команда отправляется утром 13 марта, то есть послезавтра, с Варшавского вокзала. Поезд на Одессу отходит в 11:00. Куплены билеты первого класса только благодаря помощи Григория Ивановича Рибера. За что ему низкий поклон.

Грубую лесть Рибер пропустил мимо ушей, но и это уже было неплохим сигналом.

Поездка предстоит длинная. Поезд проследует через Вильно, Минск, Гомель, Киев, Фастов и прибудет в Одессу только утром 15 марта. До отправления парохода на Константинополь будет всего несколько часов. Только бы успеть доехать от вокзала до торгового порта. Ну а дальше сутки до турецкой столицы. Там будет чуть больше дня на ознакомление с историческими достопримечательностями в ожидании парома на Афины. Если все пойдет по плану, а иначе нельзя, опоздают к открытию игр, то в греческой столице команда окажется 19 марта. Там команду будет встречать сам российский посол в Греции, тайный советник Михаил Константинович Ону. Остаются считанные дни, чтобы привыкнуть к местному климату и провести усиленные тренировки. На время поездки вводится строжайший режим питания: никакого спиртного и табака. На каждой остановке – легкая разминка. На больших остановках – гимнастические упраж-

нения.

– Тренировать в стрельбе тоже на остановках? – спросил Немуров.

– Вам достаточно общих тренировок, – ответил Бутовский. – Напомню, что рубли за границей использовать будет затруднительно. Лучше запастись фунтами, франками, немецкими марками или уж турецкими лирами.

– Это ненадолго, – заметил Рибер. – В будущем году рубль наш, полновесный и обеспеченный золотом, будет всем желанен.

– Не сомневаемся, что усилия министерства финансов к этому приведут, – сказал генерал. – Ну а пока в банке греческие драхмы идут по двадцать пять копеек... Рекомендую запастись. А у меня осталась только одна новость. В нашей команде произошла замена. Вместо господина Мангейма в состязаниях по борьбе выступит... – генерал обернулся, – ... господин Ванзаров, подходите к нам, не стесняйтесь... Вот этот молодой человек...

Не каждая знаменитость пользуется таким вниманием. На Ванзарове сосредоточились все спортсмены. Даже Паша Чичеров, ерзавший на стуле, замер, открыв рот.

– Вот это сюрприз! – проговорил князь Урусов в полной тишине.

Как будто не замечая всеобщего интереса, Ванзаров сдержанно поклонился и сел на пустовавший стул.

Рибер ничем не выдал, какую звонкую оплеуху нанес ему

генерал. Требовалось немного времени, чтобы собраться с духом и не устроить безобразный скандал. Такие вопросы надо решать на спокойную голову. Рибер медленно и глубоко задышал, стараясь не думать, что бы он сделал с Бутовским, была бы на то его воля.

– Как же понимать этот фокус? – спросил Немуров, приглядывая за своим начальником и замечая, как старательно тот сдерживает себя.

– Господин Мангейм добровольно уступил свое место, – ответил Бутовский.

– Невероятно! – вскрикнул Бобби. – Чтобы Илюша, мечтающий о всемирной славе, отказался от Олимпиады? О, это действительно фокус!

– А вот пусть господин Ванзаров сам и объяснит, – предложил генерал.

И взгляды обратились к Ванзарову.

– Я сделал господину Мангейму предложение, от которого тот не смог отказаться.

– Это как же, денег ему дали? – спросил князь Урусов.

– Нет, честный поединок. В три раунда.

– И какой счет? – заинтересовался Бобби.

– По условиям, которые господин Мангейм принял, если я хотя бы раз оказался в туше, на Олимпиаду поехал бы он.

– Фантастика! – поразился Бобби.

– Господа, я свидетель, что господин Ванзаров три раза положил Мангейма, – сказал Бутовский.

– Ну раз самого Мангейма так ловко завалили, добро пожаловать в команду! – и Бобби протянул через стол руку. Ванзаров почтительно ее пожал.

Немуров потребовал тишины. Он заявил, что так нельзя. Собравшиеся давно знают друг друга, а новый член команды никому не известен. Что за человек? Кто такой? Следует рассказать о себе. Ванзаров не возражал. Он только поставил одно условие: каждый имеет право задать только один личный вопрос.

– Я первый! – потребовал Бобби. – Где обучились борьбе?

– Далеко от Петербурга, – ответил Ванзаров.

– А конкретней?

– Это уже второй вопрос. Прошу следующего.

– Служите? – спросил Немуров.

– Помогаю советами по мере сил, – ответили ему.

– Какое у вас состояние? – спросил князь Урусов.

– Достаточное. Я ни в чем себе не отказываю...

– Водку пьете? – спросил Граве.

– Предпочитаю по утрам гимнастику.

Ответ вызвал усмешки, а князь Урусов милостиво кивнул.

– Женаты? – спросил Лидваль.

– Я не любитель острых развлечений.

Мужчины заулыбались, атмосфера потеплела.

– Ваша очередь, – обратился Ванзаров к Дюпре.

– Нет... Я ничего... Как вам угодно, – торопливо ответил

тот.

Терпеть эту комедию Рибер был не в силах. Он отозвал Бутовского на пару слов в другую комнату. Генерал пошел без всякой охоты, предполагая, что последует. Сдавленным от волнения голосом Рибер заявил, что не потерпит в команде самозванцев. Команду набирал он, и только он имеет право решать, кто едет в Афины, а кто нет. Без его усердия вообще ничего не было бы. Прежде чем принимать такие решения, следовало спросить его согласия. Следует немедленно изгнать этого субъекта и вернуть Мангейма.

Бутовский выслушал терпеливо и как-то очень покорно.
– Сами ему это и скажите. И попробуйте выгнать из команды.

Чего-то подобного Рибер ожидал. Все-таки характер у генерала податливый. Что ж, придется самому. Пора уже показать, кто тут имеет право принимать решения. Он вышел в гостиную и сразу понял, что самозванец завоевал сердца спортсменов его команды. Ванзаров шутил, его шуткам смеялись, и, кажется, все уже считали его своим. Посмел завладеть всеобщим вниманием. Даже мрачный Дюпре улыбался, слушая какую-то пошлую шутку о конкурсе женской красоты.

– Прошу внимания, – сказал Рибер так громко, чтобы пресечь этот балаган. – Нам было приятно познакомиться с вами, господин Ванзаров, но теперь прошу вас покинуть закрытое заседание команды. Вам здесь делать нечего.

– Вот как? – спросил Ванзаров. – С чего такая строгость?

– Решения о составе команды принимаю только я. И я не считаю, что Мангейм выступит хуже вас. Даже если он уступил в каком-то незаконном поединке.

– Так примите это решение.

– Это совершенно невозможно.

– У меня есть предложение, – сказал Ванзаров и для чего-то снял пиджак. – Вы, как капитан команды, должны быть лучшим из всех. В таком случае я вызываю вас побороться на руках. Одолеете – ухожу сразу. А нет – извините.

– Это совершенно невозможно, – ответил Рибер. – Прошу вас...

Ванзаров расстегнул манжет сорочки, закатал рукав до локтя и уперся в стол, выставив растопыренную пятерню.

– Не могу поверить, что капитан может струсить.

Рука, которая ждала Рибера, была некрупной, но жилистой и казалась выточенной из камня. Мышцы проглядывали незаметно, но слишком явно для опытного взгляда. Рибер оценил последствия того, что может случиться, если он поддается на эту детскую уловку. Победа сомнительна. В случае поражения авторитет будет в руинах.

– Я приму соответствующие меры, если слов вам недостаточно, – сказал Рибер и покинул гостиную, ни с кем не прощаясь. Немуров побежал за ним.

Бутовский наблюдал за всем происходящим из другой комнаты. Появляться перед командой ему не хотелось. Пусть само как-то утрясется. Рибер успокоится, да и этот упорный

юноша не сказать чтобы обиделся. Все обратил в шутку. Команда его приняла. С ним уже прощались за руку. Генерал только успел выйти из укрытия, как вдруг Бобби потребовал к себе внимания.

– Господа! Друзья! Спортсмены! – кричал он. – Завтра вечером приглашаю всех на дружеский прием у меня дома! Берите с собой жен! Приходите все! И Лунного Лиса приглашаю! Буду ждать его с нетерпением! Отметим весельем наш отъезд на Олимпиаду! И вы, Ванзаров, приходите! Нет жены, так тащите любовницу! У меня дом для всех открыт! Завтра назначаю праздник!

Новость была принята с воодушевлением. Паша Чичеров отчаянно хлопал в ладоши и подскочил к Бобби.

– Державный флаг! Портрет государя! – вскричал он.
– Зачем на вечеринке флаги и государь? – спроси Бобби.
– Олимпиада! Стадион! Пройдем под флагом! С портретом! Патриотический дух! Монархия! Победа! Восторг! Слезы умиления! Честь и достоинство! Пусть все видят! Наша верность!

Бобби похлопал Чичерова по плечу и предложил так не волноваться. Чего доброго, хватит сердечный приступ, до Афин не доедет. Лучше всего спросить о флагах и портретах Рибера или генерала. Они команду возглавляют, вот пусть и мучаются над патриотическим вопросом.

Граве держался поблизости от Бобби и очень хотел кое о чем его расспросить. Но тот отмахнулся и отказался гово-

ритель о делах. И так уже их было достаточно.

О Ванзарове все забыли. Он как-то незаметно растворился в пространстве.

Николай Николаевич Сабуров принял в свои руки департамент полиции полгода назад. И за это время постарел лет на десять. На него хлынул поток дел, каждое из которых требовало его участия и немедленного разрешения. Полиция отвечала за все и всюду должна была охранять порядок: на улицах и площадях, на заводах и фабриках, на реках и каналах, в селах и местечках, в тюрьмах и на горных приисках. Людей катастрофически не хватало, а те, что были, служили за копеечное жалованье.

В столицах полиции вменялось в обязанность следить за освещением улиц, уборкой мусора, похоронными процессиями, изгонять нищих, гонять дворников, присматривать за извозчиками, убирать пьяных с улиц, срывать прокламации со стен домов, предупреждать о наводнениях и еще обеспечивать проезд высочайших особ императорского дома. Но самое главное: беспощадно бороться с революционной заразой. За это спрашивали особо. Если где-то появлялась прокламация или у студента находили запрещенную газетенку, у министра внутренних дел, графа Толстого, портилось настроение. А это значило, что директора департамента вызывали на ковер и требовали полный отчет: когда безобразия будут прекращены. Этого Сабуров и сам, по чести, не знал.

У него на столе росла гора непросмотренных рапортов и

отчетов, каждое утро дежурный секретарь приносил новые, и казалось, что конца этому не будет. За эти полгода Сабуров устал так, как за все тридцать три года беспорочной службы. А еще ему телефонировала старая знакомая, романтический случай его юности, и сообщила радостную весть: у нее украли вещицу, которая может стоить не одной головы, потому что дело идет о тайнах такого уровня, что лучше их не касаться вовсе. К этому случаю Николай Николаевич отнесся со всем вниманием: потребовал лучшего сыщика из сыскной. Ему указали на Ванзарова.

Сабуров как раз вспомнил, что прошло не менее двух суток с тех пор, как «феноменальный талант», как ему рекомендовали Ванзарова, занимался розыском пропавшего портсигара. Пора бы уже отчет. Он взглянул на часы и обнаружил, что скоро наступит полночь и новый день. Опять заработался. Вызвав секретаря, директор спросил: не было ли вестей от Ванзарова. Ему доложили: чиновник для особых поручений уже час как дожидается в приемной. Отчитав, что ему не дали знать сразу, Сабуров потребовал желанного визитера.

Ванзаров показался ему излишне бледным. Или много трудился, или со здоровьем непорядок, решил директор, сам страдавший сердцем.

– Что удалось выяснить? – спросил он, указав таланту на стул.

– Есть некоторые догадки, но определенных сведений по-

ка нет, – ответил Ванзаров, почему-то скривившись, как от приступа боли.

– Вам плохо?

– Благодарю вас, все в порядке.

– Желаете чаю? – Сабуров проявил заботу о подчиненном, который был нужен.

Ванзаров отказался, сославшись, что недавно ужинал.

– Выяснили, кто скрывается за псевдонимом Лунный Лис?

– У меня есть сомнения, что такой человек существует, – ответил Ванзаров и не удержал стон.

– Да что с вами? Может, доктора?

– Нет-нет, все хорошо...

– Если Лунного Лиса не существует, то кто же крадет драгоценности?

– Я полагаю... – только успел сказать Ванзаров, как вдруг медленно и словно нехотя стал складываться пополам, низко опуская голову и держась за живот.

Сабуров только смотрел, как у его сыщика подкосились ноги и он шмякнулся лицом в ковер. Резко дернувшись, захрапел и затих и, кажется, перестал дышать.

– На помощь! – закричал Сабуров так, что у него чуть сердце не выскочило.

В кабинет заглянул секретарь, не понимая, что могло случиться с директором в его же департаменте.

– Врача! Срочно! Немедленно! – кричал Сабуров, указы-

вая на тело, лежащее калачиком. Хуже всего: не шевелящееся.

Несмотря на позднее время и усталость, секретарь Кайдаков все еще сохранил способность соображать. Он сразу понял, что, пока найдут лекаря, пока тот придет, Ванзаров может и не дожждаться. Тут нужны средства куда более сильные. И Кайдаков побежал на третий этаж.

По счастливой случайности в здании департамента полиции находились кабинет и лаборатория криминалиста Лебедева. Секретарь точно знал, что знаменитость, перед которой склонялась вся криминалистическая наука России, до сих пор у себя. Занимается в неурочное время исследованиями, такой трудяга.

Кайдаков решил, что если Лебедев досконально разбирается в трупах и в устройстве человеческого тела, то живому помочь наверняка сумеет.

Против обыкновения, Бобби проснулся в семь утра и уже не сомкнул глаз. Он встал, накинул халат и, забыв про обязательные упражнения, принялся бродить по дому как голодный тигр. Добыча попала в ближайшей комнате. Отчитав камердинера за какие-то очень плохие поступки и пригрозив выкинуть вон, Бобби направился на кухню. И разделался с поваром и кухаркой, да так умело, что повар бросил половник, заявив, что увольняется немедленно, а кухарка просто рыдала в передник. Тут Бобби несколько поостыл, обиженно заявил, что ему, несчастному, и пожаловаться нельзя, и вообще его никто не понимает. Повар, хоть и был француз, смягчился, налил свежего какао и подал горячий рогалик. Тут же за кухонным столом Бобби все это уничтожил под горестные вздохи, извинился за дурное настроение и совсем загрустил.

Он попробовал было толкать гирию, но игра мускулов не доставила удовольствия. Все дело в том, что Бобби ужасно рассердился на свою несдержанность. Громогласно пригласив к себе Лунного Лиса и даже вечеринку придумав ради этого, он хотел позлить Рибера. Но вышло наоборот. Рибер наверняка придет, ему-то что, а вот что делать с Лунным Лисом, Бобби не знал. Не прятать же все драгоценности и деньги под замок? Это низко и как-то не по-джентльменски. Со-

всем неспортивно. Но и следить за всеми гостями невозможно.

Бобби почему-то был уверен, что Лунный Лис знает о его приглашении и обязательно явится под личиной знакомого. Как его поймать? Как понять, что старый друг – пресловутый вор? За руку не схватишь. Теперь он чувствовал себя как Дон Жуан, пригласивший на ужин Каменного гостя: и страшно, и интересно одновременно. Ему хотелось, чтобы праздник закончился без приключений, но другой голос шептал: теперь уже обратно пути нет, теперь ты лоб в лоб с Лисом столкнешься. Тут на Бобби накатывали страх и отчаяние. Он ненароком подумал: а не отменить ли все под благовидным предлогом? Но такая трусость была недостойна олимпийца. Бобби понял, что деваться ему некуда и остается только надеяться на чудо.

Дворецкий доложил, что прибыл господин Чичеров. Бобби безвольно махнул: проси. Вбежал Паша, с утра пораньше уже весь взмыленный, неся галопом от Дворцовой площади, где располагалось министерство иностранных дел.

– Погода! Грязь! Чиновники! Утро! Не вовремя! Указал им! Не понимают! Я им! Требую! Олимпиада! Особый случай! Не хотят знать! Не сойду с места! Сдались! Вот! – Чичеров протянул зеленую книжечку.

Бобби запустил паспорт в китайскую вазу. Книжечка как раз воткнулась в фарфоровое горлышко.

– Феноменально! Меткость! Талант! Чемпион! – затара-

торил Паша, пылая щеками и восхищением.

– Заткни фонтан, друг мой Чичеров, – сказал Бобби, переворачиваясь на бок.

Паша уселся в кресло, обмахивая шляпой раскрасневшееся лицо.

– Что бы такое придумать, ума не приложу... – сказал Бобби и тяжело вздохнул.

– Чем могу! Князь! Любое дело! Справимся! Только не унывать!

– Мы условились: между членами команды никаких титулов, и только на «ты».

– Ты! – согласился Чичеров. – Так что же?

– Вот бьюсь над загадкой, один-одинешенек, и некому мне умное слово сказать.

– Я могу.

Бобби только печально улыбнулся.

– Ты, Паша, человек хороший и энергичный, даже чересчур, иногда хочется врезать тебе по шее, но что ты можешь придумать?

– Не знаю, – признался Чичеров. – В чем дело?

– Все мой характер. Дернуло меня с Рибером нашим драгоценным пари устраивать. И ведь, казалось бы, верное дело: а он возьми и выиграй! Тут меня разобрало. Я во второй раз с ним спорить. Потом в третий. Теперь-то уже понятно, что он хитрил. Наверняка что-то знает. А меня на характер поймал. Да отступить поздно. Я ва-банк пошел. Как бы этого

Лиса обмануть...

– Кого? – удивился Чичеров.

– Лунный Лис, ловкий вор, что грабит всех подряд. Даже тетушку и невесту мою ограбил. Такой стыд! Теперь последний шанс: если и меня ограбит – окончательное поражение. Ума не приложу, как его провести. Особенно Риберу нос утереть хочется.

– Трудно! – сказал Чичеров. – Хитрость! Ловкость! Обман!

– Это я и сам знаю, кто бы совет дал...

Чичеров только руками развел. Глянув на часы, он подскочил, словно в него впиалась оса, захлебнулся в прощаниях и выскочил вон. Бобби помахал ему вслед рукой. Печаль совсем овладела его сердцем. Он повернулся на спину и стал рассматривать стены. Его блуждающий взгляд привлекла старая литография: охотник вынимает волка из капкана, легавые злобно тявкают на зверя. Разглядывая картинку, Бобби вдруг резво сел. На лице его появилось выражение, какое бывает, когда ударяет блестящая мысль.

– Ну, Рибер, конец твоим победам, – сказал Бобби и скинул халат. – Лис угодит в ловушку.

Он знал, что должен сделать.

Ванзаров приоткрыл глаза. Ему улыбались черепа. Повешенные аккуратной гроздью, они скалились в улыбках, пылясь пустыми глазницами. Лоб нижнего черепа украшала квадратная дырка. У других были сломаны переносицы и дырки вместо надбровных дуг.

– Я в раю?

– В самом первосортном!

Сев на край кожаной кушетки, какую доктора обычно используют для осмотра пациентов, Лебедев наставил ложку с желтоватой микстурой. Деваться было некуда. Ванзаров только разжал губы, как вкус металла и горечь до отвращения наполнили рот.

– В раю потчуют нектаром и амброзией, – сказал он, кое-как проглотив отраву.

– Амброзия научного рая, – ответил Лебедев, стряхивая капли на пол. – Если бы не эта микстурка моего изобретения, погибали бы в страшных мучениях. А так – только заблевали всю лабораторию.

– Простите... Мне очень стыдно...

– Пустяки, коллега! Ничто не стыдно, что на пользу здоровью. Да хоть мочу пить!

Ванзаров кашлянул, чтобы скрыть рвотный позыв.

– Это мышьяк? – спросил он.

– Что же еще! Наш старый знакомый. Оружие не столько смертельное, сколько мучительное. Особенно в неумелых руках. Чаще всего травятся кухарки от несчастной любви и нервные барышни от нее же, проклятой. И не знают, что умирать будут не мгновение, а эдак с недельку. Если, конечно, не проглатывают весь пузырек сразу.

– Мне мышьяка явно пожалели.

Лебедев профессиональным взглядом окинул тело, лежащее в расстегнутой сорочке.

– Из расчета комплекции и молодого организма я бы рекомендовал чайную ложку.

– Благодарю, буду знать.

– Вы бы с ядами не шутили, – сказал Лебедев. – Один раз уже с того света вернулись, теперь второй звоночек. Надорвете желудок, кому будете нужны в инвалидном состоянии?

– Благодарю за правду.

– Лучше так, чем возить вас в инвалидной коляске. Да и времени у меня на это нет. Брошу посреди Невского проспекта, будете в шляпу милостыню собирать.

– Умеее вы, Аполлон Григорьевич, поднять настроение, – сказал Ванзаров и попытался встать.

Лебедев схватил его за плечи и толчком вернул обратно.

– Куда собрался?! – рывкнул он. – Радуйтесь, что живы. Хорошо, дежурный чиновник сообразил ко мне бежать. После такого – неделя постельного режима, не меньше. Пить отварчики и бульончики. Трогательная женская забота и пол-

ный покой. Ах, да, вы же не женаты... Все мы, холостяки, когда-нибудь умрем в одинокой постели, и найдут нас через год, когда останется объединенный мышами скелет. Ну, вам об этом еще рано думать.

– Я не могу лежать неделю, – тихо сказал Ванзаров. – Мне надо быть на дружеской вечеринке.

– Шутите или издеваетесь? – спросил Лебедев. – Только что был на шаг от смерти, а он уже веселиться собрался.

– Ничего общего с весельем. Мне надо ехать на Олимпиаду...

Аполлон Григорьевич потрогал лоб больного.

– Горячки вроде нет, а такой бред несете. Какая Олимпиада?

– Первая, в Афинах. Буду выступать в состязаниях борцов...

– Пожалуй, привяжу вас к кушетке, от греха подальше, – задумчиво сказал Лебедев. – Читал, что после отравления мышьяком в редких случаях происходило нарушение мозговой деятельности, но чтобы с ума сойти... Первый случай в истории судебной медицины. Будем именовать «синдром Ванзарова». Клиническая картина: человек рвется совершать неадекватные поступки и верит в полный бред.

– Это не бред, у меня поручение от директора департамента полиции.

– А! Ну тогда назовем «синдром Ванзарова – Сабурова». Звучит неплохо.

– Аполлон Григорьевич, мне Лунного Лиса поймать нужно... Пока его раньше меня не поймали.

Лебедев радостно свистнул.

– Вот оно как протекает: сразу в острой форме. Уже лунных лисиц ловит.

– Не лисиц, а Лиса, – ответил Ванзаров. – Хотя это чистый блеф, который для чего-то разыграли. Не вижу истинных целей.

– Рад, что приходите в сознание. А что у нас за лис появился? По полицейским сводкам такого персонажа не припомню. Может, в картотеке антропометрического бюро посмотреть? Так я быстро, все под рукой...

– Не тратьте время. Это только игра. Пока не определить, чья именно. И для чего.

– Так зачем же вас в нее впутали?

– Честно ответить не могу, а врать нет сил...

– Ну и ладно, – Лебедев потрогал пульс и остался доволен. – Есть предположения, кто вас мышьяком угостил?

– Предположений нет. Есть твердая уверенность. Это предупреждение одного милого старичка, более известного как Стенька-Обух...

– Воровского старшины Казанской части?

– Именно так... Сам виноват, видел же, что за мной его подручный увязался. Подумал: пусть побегает. А он вел упорно.

– И где вас подловил?

– В самом удобно месте: зашел в трактир Родионова перекусить, а он с заднего входа на кухню заглянул. Посланцу Стеньки-Обуха нигде отказа не будет. Да и поди докажи, что меня в этом трактире отравили.

– Зачем же Стеньке так явно идти поперек полиции?

– Выхода у него нет. Меня предупредили, что, если Лунного Лиса найдут раньше меня, расправятся, как сочтут нужным.

– Обух тоже Лиса ищет?

– Ничего другого ему не остается, – ответил Ванзаров. – В очень неприятное положение перед воровским миром поставил его Лунный Лис. Тут уже дело о власти Обуха идет... Аполлон Григорьевич, мне действительно к вечеру надо быть на ногах.

– Не смейте мечтать! – сказал Лебедев. – У меня часик-другой полежите, я за вами понаблюдаю, а потом на пролетке домой. И никаких разговоров. Никуда ваш Лунный Лис не денется. Их еще предостаточно будет, а вы у нас один.

– Вы даже мертвого уговорите, – сказал Ванзаров, чувствуя, как проваливается в густой, тягучий сон. Видно, в микстуру Лебедев подмешал что-то успокоительное. – Я сейчас... Я... Сейчас... Я только немного... – он глубоко и ровно засопел.

Аполлон Григорьевич тихонько встал, взял армейское одеяло и бережно накрыл им спящего. Отойдя на цыпочках, он сел на стул, на котором провел бессонную ночь, достал

початую бутылку коньяка и налил граненый стакан до края. Выпил залпом и даже не поморщился. После пережитого сегодня, когда в одиночку вытаскивал с того света лучшего друга, не зная, чем кончится, он имел на это право.

— Ах, мальчик-мальчик, дорогой мой... — тихо сказал он. — Что же они с тобой делают? Не берегут тебя. Не понимают, какое сокровище у них в департаменте служит.

Лебедев выпил еще коньяку, но так ничего и не почувствовал.

Мучаясь от любопытства, Граве отправился за утренними газетами, даже не позавтракав. Он скупил все издания от «Листка» до «Ведомостей Санкт-Петербургского градоначальства» и с охапкой отправился в ближайшую кофейню на Невском проспекте. После вчерашних оваций можно было предвкушать огромные репортажи, где, несомненно, упомянут и его имя.

Усевшись за столик у окна, чтобы было светлее, Граве развернул верхнюю газету. Пробежав все полосы, он подумал, что это всего лишь случайность, отложил и взялся за вторую. Затем третью. Пролистав подряд четыре-пять выпусков, Граве понял, что случайность повторилась во всех изданиях. Что было для него полной неожиданностью.

Вместо подробных репортажей об историческом событии газеты напечатали крошечные заметки, засунув их в самый неудобный «подвал», где печатались платные объявления о найме кухарок. Ни одной фамилии, ни одного члена команды не упоминали. Более того, умолчали о генерале Бутовском. Сообщения сводились к тому, что группа энтузиастов планирует поехать на Олимпийские игры, что не может не вызывать удивления. Вместо того чтобы заниматься полезным делом, господа играют в спортивные игры. И все в таком же роде. Ни одного доброго слова о первой олимпийской

команде России! Граве представить не мог, как репортеры, видя все своими глазами, могли написать такую чушь. Это у них называется «болеть за нашу команду». Газеты полетели на пол, где им самое место.

Если бы Граве чуть внимательнее прочел полосы, то заметил бы развернутые критические статьи о денежной реформе и введении золотого рубля. Редакторы вели свою маленькую войну, по правилам которой друг их врага становился их врагом. Даже если дело касалось олимпийской команды.

Граве стал искать, чем бы отвлечься от грустных мыслей, и хлопнул по карману пиджака. Там хранилась славная вещица. Как-то проходя мимо лавки, торгующей канцелярскими принадлежностями, он заметил на витрине книжицу в серебряной обложке. Вещь была совершенно ненужная, писать в записной книжке он не собирался. Но книжица выглядела так заманчиво, что Граве поддался и купил. Теперь она могла пригодиться.

Он вспомнил: настоящие сыщики делают заметки, чтобы чего-нибудь не забыть. И хоть забывать ему было нечего, потому что Граве ничего не узнал, но раз заставили заниматься сыском, надо все делать правильно. Карандашик на тонкой цепочке уже манил его. Граве развернул книжку на первой странице, перелистнул и раскрыл разворот. Бумага была отличная, плотная, так и просилась, чтобы на ней что-нибудь написали толковое. Из всего, что приходило в голову, он выбрал только одно: наверху страницы вывел «Лунный Лис».

Далее столбиком записал семь фамилий, немного подумал и добавил восьмую – «Ванзаров». А затем и девятую: «Бутовский». Список получился красивым, но коротким. Так сыщики не работают. Почесав за ухом, Граве внес еще шесть кандидатов, какие только смог вспомнить. Теперь подозреваемые были в полном составе. Пятнадцать человек – более чем достаточно. Как бы угадать, кто из них настоящий Лунный Лис.

В тяжких раздумьях Граве посмотрел за окно. И вовремя прикрылся занавеской. То, что он увидел, не предназначалось для его глаз. Хотя и происходило в самом центре города, где кто угодно может оказаться.

С пролетки сошел Рибер. Он не отпускал руку дамы. Дама пряталась за вуалью, поля широкой шляпки затеняли лицо, подбородок утопал в меховом воротнике. Но узнать спутницу не составило труда. В столь ранний час в одной пролетке с Рибером оказалась Олимпиада Звягинцева, невеста Бобби.

Умом сыщика, который все больше обострялся, Граве понял, что эта парочка откуда-то приехала. И, возможно, они проводили время вместе, а не только случайно встретились. Стекло и шум улицы заглушали, о чем шел разговор. Липа что-то с жаром доказывала, с трудом удерживаясь на месте и подкрепляя каждое слово движением тела. Кажется, она в чем-то убеждала Рибера. Он слушал терпеливо, но потом отрицательно покачал головой. Липа вырвала руку и отвернулась, очевидно, демонстрируя гнев и обиду. Сняв шляпу,

Рибер поклонился ей и пошел по Невскому. Липы хватило ненадолго. Она привстала, резко обернулась назад и, держась за край пассажирского дивана, высматривала его. Но Рибер уже затерялся в толпе. Липа вжалась в спинку сиденья, что-то крикнула извозчику, пролетка тронулась и скрылась из вида.

Граве понял, что стал свидетелем того, чего не должен был видеть. Но ведь так поступают все сыщики. Что это даст его розыску и в какую тайну сунул нос, было совершенно неясно.

Поразмыслив, он раскрыл блокнотик и внес в список фамилию Липы, соединив стрелочкой с фамилией Рибер. Подумав еще, добавил к стрелочке вопросительный знак. Вышло красиво и загадочно. Граве остался собой доволен. Вот только будет ли доволен наниматель? День прошел, впереди — только два, отпущенных ему.

Особняк Бобби пылал огнями так, что прохожие оборачивались. Дом был полон гостей. Весть о том, что милый друг устраивает грандиозный праздник перед путешествием в Грецию, мгновенно облетела светское общество столицы. Пришли не только члены команды, но и все друзья хозяина. Но вместо ожидаемых столов, которые должны ломиться от кушаний, был организован довольно скромный, по меркам Бобби, фуршет. Что совсем возмутительно: ни капли спиртного. Ни шампанского, ни вин, ни даже ликеров. Одни морсы и воды. Гости выражали свое возмущение шепотом, но хозяину вечеринки передавали исключительно восторги.

Бобби был необыкновенно весел. Носился по комнатам, мелькал то здесь, то там, будто что-то высматривал, совершенно забыв, что гостей полагается встречать его невесте на правах будущей жены. Липа, кажется, не замечала этой оплошности. Она стояла с бокалом воды и старательно улыбалась знакомым, на вопросы отвечала рассеянно, кажется, мало интересуясь происходящим вокруг. Многие делали комплимент ее вечернему платью в розовых тонах, но и это ее не трогало.

Больше всех к вечеру приготовился Рибер. Он тщательно продумывал речь, которую скажет при всех в лицо этому Ванзарову. Он не позволит шантажировать себя мужицкой

силой. Хотя он спортсмен, но есть вопросы, которые не решаются на кулаках! Рибер хотел привести с собой Мангейма, чтобы восстановить того в правах члена команды, но найти его не смог. Быть может, Илья с горя уехал из столицы. Это ничего не меняло. Если не поедет Мангейм, то Ванзаров не поедет тем более. Или не поедет Рибер. В этом вопросе он решил идти до конца.

Однако накопленная решимость пропадала зря. Ванзарова не было. Возможно, он испугался и решил отказаться от безумной идеи. Надежда на это слишком слабая. Рибер понимал, что люди с таким характером не отступают. Он ждал, когда же появится противник. Время шло, а Ванзарова все не было.

Веселье тоже не удавалось. Без горячительных напитков гости чувствовали себя неуютно, будто их пригласили к пустому столу. Зная натуру Бобби, Рибер удивился, что приятель так строго выполнил распоряжение генерала. Неужели действительно спорт стал для него превыше всего? Раньше в такой дисциплинированности он замечен не был. Наблюдая за Бобби, Рибер отметил, что князь слишком возбужден, носит хитрую улыбку и нарочно сторонится его. Наверняка приготовил какой-то сюрприз и только ждет подходящего момента. За этими наблюдениями Рибер совсем забыл про Женечку, которую привез, и предоставил ей искать развлечения, какие она пожелает. Ему было не до ухаживаний за дамой. Женечка неплохо проводила время, гуляя по залам,

улыбалась знакомым и была довольно весела.

Пробило десять. Снизу донесся звук дверного колокольчика. Бобби бросился так шустро, словно от этого зависела его жизнь. Из прихожей он выгнал замешкавшегося лакея и сам открыл дверь. На пороге стояли офицеры фельдъегерской службы. Они отдали честь почти синхронно. Бобби поклонился в ответ.

– Имею честь видеть князя Бобрищева-Голенцова? – спросил офицер с погонями штабс-капитана.

– Давно жду вас! – Бобби гостеприимно посторонился.

Фельдъегеря прошли в помещение.

– Велено доставить вам, – сказал старший. Ротмистр передал ему потертый кожаный портфель, перетянутый бечевой накрест, с сургучовой печатью.

Изнывая от нетерпения, Бобби чуть не вырвал портфель:

– Давайте уже!

– Ваша светлость, прошу проверить целостность печати...

Печать была совершенно цела, что Бобби немедленно подтвердил. Штабс-капитан сделал разрешающий знак, ротмистр сломал печать и сорвал веревки.

– Князь, извольте засвидетельствовать наличие посылки...

Хватило одного взгляда, чтобы убедиться: Бобби получил то, что так сильно хотел. Но портфель офицер все еще не выпускал из рук, что раздражало ужасно.

– Прошу простить, князь, необходимо расписаться в по-

лучении.

Бобби торопливо черкнул в протянутой конторской книге, схватил вожденный портфель и прижал к груди.

– У вас не более часа, мы ожидаем здесь, – напомнил штабс-капитан.

– Да, разумеется, благодарю, я прикажу, чтоб вам подали закуски, – на ходу бросил он и побежал к гостям.

Бобби торопливо пробирался сквозь толпу гостей, прижимая к себе ничем не примечательный старенький портфель. Добравшись до центра залы, он громогласно потребовал тишины. Рибер понял, что сюрприз начинается.

– Господа! Друзья мои! Коллеги по команде! – провозгласил он. – Спорт – это прекрасно. Олимпиада – прекраснее всего. Но есть соревнования, в которых нельзя проигрывать никогда. И вы в этом убедитесь! Прошу начать!

Распахнулась боковая дверь. Вышли официанты с подносами, на которых теснились пустые бокалы.

– Шампанское мы будем пить за победу на Олимпиаде. А сейчас я хочу угостить моих дорогих гостей напитком, куда более подходящим данному случаю! Виски из моих подвалов!

Из другой двери, до сих пор закрытой, вынесли подносы с бутылками, покрытыми пылью и плесенью. Бобби схватил бутылку, разлил драгоценный напиток широким взмахом, более проливая, чем попадая, и поднял свой бокал. Гости собрались вокруг. Впереди всех оказались Лидваль, Урусов и

Немуров.

– Господа! Я хочу открыть вам небольшую тайну. В этом портфеле невероятная драгоценность. Я не имею права показывать ее. Полагаю, моего слова достаточно, чтобы вы поверили: она практически бесценна! И вот я держу ее в руках и хочу выпить за то, что ты, Лунный Лис, в этот раз не сможешь обмануть меня! Рибер, в этот раз ты проиграл! Я пошел ва-банк и выиграл!

Дамы и господа не понимали, что все это должно означать. Быть может, Бобби слегка переутомился на почве спорта, и вот печальный результат. Гости пребывали в растерянности, не зная, что делать с налитыми бокалами. Лидваль переглядывался с Немуровым, а князь Урусов следил с иронической усмешкой.

– Так выпьем, друзья, за мою победу над Лунным Лисом! – сказал Бобби и запрокинул бокал. Виски он проглотил буквально одним глотком. – Как сладка эта победа!

Мужчины последовали его примеру, дамы принюхивались к странному запаху.

– Ну а теперь...

Бобби хотел что-то еще добавить, но схватился за горло. Портфель медленно поплыл и выпал из его руки. Он хватал ртом воздух, словно накатило удушье. Глаза покраснели, Бобби замахал руками, как будто пытаясь найти опору, зашатался и рухнул. Его бокал разбился вдребезги. Официанты замерли с подносами. Кто-то тронул лежащего за руку,

кто-то наклонился над ним, проверяя дыхание.

— Он умер... — сказал чей-то голос в толпе.

На высочайшей ноте завизжала женщина. Было достаточно, чтобы началась суматоха. Гости разбегались, кричали женщины, билась посуда, с грохотом падали подносы, кто-то поскользнулся и упал, через него перескакивали, одной даме стало дурно, ее подхватил на руки муж, другая, сжав кулачки, верещала и прыгала на одной ноге. Паника была так велика, словно начался пожар. Зал опустел за считанные секунды.

Рибер выдержал и не поддался общему порыву. Чем и гордился. Другим гордиться особо было нечем. Из всей команды остался только Бутовский с Чичеровым. Да еще Граве жался к стене. Лидваль, Немуров и Дюпре исчезли. Впрочем, как и храбрый князь Уваров, сбежавший в первых рядах. Даже Липа исчезла, не найдя сил остаться с женихом. Про Женечку Рибер совсем забыл: кажется, она самостоятельно покинула особняк.

Оставшиеся смотрели друг на друга, но к телу никто не решался подойти. Каждый чего-то ждал. Быть может, надеясь, что на самом деле это дурацкий розыгрыш, какие Бобби иногда устраивал для друзей. Сейчас он встанет, засмеется, его пожурят за глупый спектакль, и этим все кончится. Вот только Бобби не подавал признаков жизни.

— Господа, что же это такое... — наконец проговорил Бутовский.

И всем стало ясно, что случившееся не розыгрыш, а произошло на самом деле. Милого Бобби больше нет, разразилось ужасное несчастье. Внезапно и бессмысленно. Невозможно и совершенно необъяснимо. Как же так: только сказал тост, и сразу умер...

В зал вошли фельдъегеря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.